

ДЖЕРАЛД
ДАРРЕЛЛ

ГОНЧИЕ БАФУТА
ЗООПАРК В МОЕМ БАГАЖЕ

Иллюстрации Ральфа Томпсона

Мир приключений (иллюстрированный)

Джеральд Даррелл

**Гончие Бафута.
Зоопарк в моем багаже**

«Азбука-Аттикус»

1954, 1960

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Даррелл Д.

Гончие Бафута. Зоопарк в моем багаже / Д. Даррелл — «Азбука-Аттикус», 1954, 1960 — (Мир приключений (иллюстрированный))

ISBN 978-5-389-23561-8

Джеральд Даррелл (1925–1995) – знаменитый английский зоолог и путешественник, одна из культовых фигур XX века. Книги Даррелла уже давно составляют золотой фонд мировой литературы и пользуются большой популярностью у читателей по всему миру. В 50-х годах прошлого века Даррелл одну за другой снаряжал экспедиции в разные концы света. «Гончие Бафута» – это история второго путешествия прославленного зверолова в Западную Африку. Основной трудностью этой поездки, как ни странно, стал не поиск диких животных в местах, не тронутых цивилизацией, а тесное общение со взбалмошным правителем Камеруна – Фоном Бафутой, любителем ежедневных увеселений, который разглядел в Даррелле компаньона. И все же самой тяжелой и грустной частью каждого подобного путешествия, по словам зоолога, было его завершение. Ведь после нескольких месяцев, проведенных бок о бок с пойманными животными, с ними приходилось расставаться. Осознав это, Даррелл понял, что проблему можно решить только единственным способом – взять и открыть собственный зоопарк. О том, как создавался один из самых известных на сегодняшний день питомников, автор рассказывает в повести «Зоопарк в моем багаже». Издание содержит иллюстрации известного британского художника Ральфа Томпсона.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-23561-8

© Даррелл Д., 1954, 1960
© Азбука-Аттикус, 1954, 1960

Содержание

Гончие Бафута	8
Вот мы и приехали	9
I	11
II	22
III	33
IV	44
V	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Джеральд Даррелл

Гончие Бафута. Зоопарк в моем багаже

Copyright © 1954 by Gerald Durrell

© Э. И. Кабалевская (наследник), перевод, 2023

© Л. Л. Жданов (наследники), перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Азбука®

* * *

Гончие Бафута

Вот мы и приехали

Река Кросс осторожно, извиваясь, спускается с гор Камеруна, пока не разольется широко, заблестит, засверкает в огромной чаше лесов, окружающих Мамфе. В горах она журчала, пенилась и водопадами срывалась с уступов, а тут успокоилась и степенно потекла по своему каменистому руслу; неторопливое ее движение наносит поперек течения мели чистейшего белого песка и подмывает деревья по берегам, так что обнаженные корни кажутся массой перепутанных, шевелящихся щупалец спрута. Река величаво движется дальше, мутные воды ее кишмя кишат бегемотами и крокодилами, а в теплом воздухе над ней с криками реют синие с оранжевым и белым ласточки.

Перед Мамфе река чуть ускоряет свой бег и протискивается между двумя высокими, поросшими лесом скалистыми утесами; подножия их отшлифованы водой, а сверху потрепанным кружевом свисает кустарник. Выбравшись из узкого ущелья, река вихрем врывается в просторный овальный бассейн. Чуть дальше из такого же ущелья в тот же бассейн выливается еще одна река, их воды встречаются и свиваются в бурлящий клубок крохотных течений, водоворотов и всплесков, чтобы потом продолжить свой путь единым потоком, а на самой середине реки остается след их соединения – огромный сверкающий холм белого песка с отпечатками ног бегемотов и узорными цепочками птичьих следов. Близ этого песчаного островка лес на берегу переходит в небольшой луг, который окружает деревню Мамфе, и вот тут-то, на опушке леса, над спокойными мутными водами реки, мы решили раскинуть наш главный лагерь.

Два дня пришлось валить лес и выравнять землю, чтобы приготовить строительную площадку, и наконец на третий день мы со Смитом стояли на краю луга и наблюдали, как тридцать местных жителей в поте лица с громкими криками волокли огромную палатку: казалось, на взрытой красной глине валяется громадная коричневая морщинистая туша кита. Постепенно это море парусины разобрали, растянули, и оно вспучилось кверху, набухая, словно чудовищный гриб-дождевик. Потом гриб вдруг раздался в длину и вширь и обратился в палатку весьма внушительных размеров. Когда наконец выяснилось, что это такое, раздался громкий крик изумления и восторга – это кричали жители деревни, которые толпой сошлись поглядеть, как мы будем разбивать лагерь.

Итак, у нас появилась крыша над головой, но пришлось еще целую неделю изрядно потрудиться, прежде чем можно было начинать ловлю зверей. Предстояло сколотить клетки, вырыть пруды, порасспросить старейшин из ближних деревень и рассказать им, какие нам нужны звери, позаботиться о запасах продовольствия и переделать еще уйму всяких дел. Наконец все в лагере было налажено, и мы решили, что можно начинать. Еще раньше мы договорились, что Смит останется в Мамфе и будет присматривать за главным лагерем, собирая по мелочам все, что удастся найти в ближнем лесу с помощью местных жителей, а я тем временем поеду вглубь страны, в горы, где леса уступают место поросшим густой травой равнинам. В этом горном мире с его странной растительностью и более прохладным климатом можно будет найти совсем иную фауну, нежели в жарких лесах.

Я не знал, какую часть равнин мне выбрать, на чем остановиться, и пошел посоветоваться к местному начальнику. Я объяснил ему, что мне надо, он разложил на столе карту горных районов, и мы вместе склонились над нею. Вдруг он ткнул пальцем в какую-то точку и глянул на меня.

– Как насчет Бафута? – спросил он.

– А это подходящее место? Что там за люди?

– Вас должен интересовать только один человек в Бафуте – Фон, – сказал чиновник. – Расположите его к себе – и люди сделают для вас все, что вам нужно.

– Фон? Это что, вождь?

– Он в этом краю нечто вроде римского императора, – сказал чиновник и очертил пальцем на карте большой круг. – Его слово для них закон. Этот тамошний Фон – премилый старый мошенник, и вернейший путь к его сердцу – доказать, что вы можете выпить не меньше его самого. У него там прекрасная большая вилла, он построил ее нарочно на тот случай, если к нему явятся гости-европейцы. Напишите ему, и он позволит вам остановиться у него и даже наверняка сам вас пригласит. Да в Бафут вообще стоит съездить, если вы там и не останетесь.

– Что ж, я пошлю ему записку, посмотрим, что он скажет.

– Постарайтесь хорошенько... э-э... подкрепить ваше письмо, – сказал чиновник.

– Сейчас же пойду в лавку за бутылкой подкрепляющего, – заверил я.

В тот же день в горы отправился гонец с моим письмом и бутылкой джина. Через четыре дня он вернулся с обратным посланием от Фона; этот любопытный документ необыкновенно меня воодушевил:

Резиденция Фона Бафута, Бафут,

Беменда, 5 марта 1949 г.

Мой дорогой друг!

Твое письмо от 3 марта получил, кстати с приложением, и оценил.

Да, я принимаю твой приезд в Бафут на время два месяца насчет твоих животных и тоже очень буду рад отдать тебе в распоряжение один дом в моих владениях, если ты мне хорошо заплатишь.

Сердечно твой Фон Бафута

Я тотчас приготовился к отъезду в Бафут.

I

Жабы и танцующие обезьяны

О большинстве грузовиков в Западной Африке никак не скажешь, что они находятся в расцвете молодости и красоты, и я на горьком опыте научился не ждать от них ничего хорошего. И все же вид грузовика, который прибыл, чтобы везти меня в горы, превзошел худшие мои ожидания: казалось, он сию минуту развалится. Грузовик стоял на полуспущенных шинах, пыхтел и хрипел, изнемогая от усталости, – а ведь ему пришлось всего лишь подняться по отлогому склону небольшого холма к нашему лагерю, – и я не без трепета вверил ему мой груз и самого себя. Шофер оказался весельчаком: он сразу заявил, что мне придется ему помогать в двух весьма важных операциях. Во-первых, когда мы будем спускаться под гору, я должен нажимать на ручной тормоз, потому что, если его не прижать чуть ли не к самому полу кабины, он вообще не станет слушаться.

Во-вторых, мне предстоит неотрывно следить за педалью сцепления, ибо эта весьма капризная деталь при всяком удобном случае выскакивает из муфты и при этом ревет, как попавший в ловушку леопард. Совершенно ясно, что водитель грузовика даже в Западной Африке не может вести машину, скрючившись под приборным щитком и согнувшись в три погибели, а значит, если я хочу остаться в живых после этого путешествия, мне придется помочь ему управиться со своенравными механизмами. Итак, я то и дело нагибался, нажимал на тормоз и вдыхал удушливый запах паленой резины, а тем временем наша храбрая машина тряслась по направлению к горам с постоянной скоростью двадцать миль в час; порой, когда путь лежал под уклон, она очертя голову кидалась вперед и выдавала целых двадцать пять.

Первые тридцать миль проселочная дорога из красной глины вилась по равнине, поросшей лесом; по обе стороны дороги плотной стеной стояли огромные деревья, ветви их в вышине переплетались, образуя свод из листьев у нас над головой. Стайки птиц-носорогов, хлопая крыльями, перелетали дорогу и гоготали – казалось, это сигналили призраки каких-то древних такси на заре автомобилизма, а по обочинам, живописно расцвеченным солнцем, прорвавшимся сквозь густые лиственные своды, грелись агамы; окутанные светом, они пламенели от волнения, как закатные лучи, и яростно кивали головами. Постепенно, почти неприметно дорога пошла вверх, мягко петляя по округлым склонам лесистых холмов. В кузове грузовика мои помощники громко запели:

Домой, домой, хочу домой,
Когда ж увижу дом родной?
Когда увижу мать родную?
Вовек мне не забыть мой дом...

Шофер тихонько подхватил припев и все поглядывал на меня – можно ли? К его удивлению, я тоже запел, и так грузовик катил вперед, оставляя за собой на дороге вихрь красной пыли, из кузова доносился дружный хор голосов, а мы с шофером подпевали, украшая песню всевозможными вариациями, причем он успевал еще аккомпанировать отрывистыми гудками клаксона.

Чем выше мы забирались в горы, тем реже становился лес, а потом подлесок стал меняться: по обочинам дороги мрачно, как заговорщики, стояли купы тяжелых древовидных папоротников с толстыми, приземистыми волосатыми стволами; макушки их разбрызгивались зелеными фонтанами нежной листвы. Папоротники оказались первыми стражами нового мира, ибо внезапно, точно горы сбросили с плеч тяжелую одежду, исчез лес. Он остался позади, в долине, густой зеленый мех волнами уходил в мерцающую от зноя даль, а перед нами вели-

чественно высились горы, покрытые высокой, по пояс, колеблемой ветерком и высветленной солнцем золотистой травой. Грузовик взбирался все выше и выше, мотор задыхался и вздрагивал от непривычных усилий. Мне уж подумалось, не придется ли последние две-три сотни футов толкать злосчастную машину в гору, но, ко всеобщему изумлению, она справилась сама: вскарабкалась на вершину горы, дрожа от усталости и изрыгая из радиатора клубы пара, точно издыхающий кит – фонтаны воды. Мы вползли наверх и остановились. Шофер выключил мотор.

– Мало время обождем, двигатель перегрелся, – пояснил он, указывая на радиатор грузовика, который уже совсем скрылся из глаз в облаке пара.

Я с радостью выбрался из раскаленной кабины и побрел к тому месту, где дорога начала спускаться в очередную долину. С этого наблюдательного пункта видна была вся местность, которую мы проехали, и та, куда нам предстояло вступить.

Позади остался нескончаемый зеленый лес, отсюда он казался плотным и густым, как шерсть барана, только на вершинах холмов можно было разглядеть просветы в непроницаемой массе листьев – на фоне неба деревья вырисовывались прерывистой бахромой. А впереди нам открывался совсем другой мир, просто невозможно было поверить, что оба они – тот и этот, – такие разные, существуют бок о бок. И смена эта происходила не постепенно, нет: позади остался лес деревьев-великанов, сверкающих в своих роскошных мантиях из лакированных листьев, подобно гигантским зеленым жемчужинам, а впереди до самого туманно-голубого горизонта цепь за цепью встают горы, сливаясь и переходя одна в другую, словно огромные застывшие волны; они как бы обращают лицо к солнцу, а склоны их от подножия до гребня покрыты пушистым золотисто-зеленым мехом травы, которая зыблется по прихоти ветра и то светлеет, то темнеет, когда ветер ее завивает или разглаживает. Лес позади расцвёл то буйным багрянцем, то зеленью самых ярких и резких тонов. Впереди же все цвета этого странного горного мира травы были мягкими и нежными – бледно-зеленый, золотистый и все оттенки теплого желтовато-коричневого. Плавные изгибы и складки холмов, покрытые этой нежной, пастельных тонов травой, очень напоминали природу Англии – ее южные низины, только в больших масштабах. Но вот солнце здесь сверкало без усталости и нещадно палило – совсем уж не на английский лад.

Начиная отсюда дорога превратилась в «американские горки», машина то и дело с треском и визгом тормозов спускалась в долины и вновь, кряхтя и кашляя, взбиралась на крутые склоны. На вершине одной горы мы опять постояли, чтобы остыл мотор, и тут я заметил впереди в долине деревню; издали, на фоне окружавшей ее зелени, она казалась бесформенной кучкой черных поганок. Когда выключили мотор, тишина окутала нас, точно мягким одеялом; только слышно было, как чуть посвистывает трава, колеблемая ветром, да из деревни, что лежала далеко внизу, доносился лай собак и крик петуха – звуки, смягченные расстоянием, но отчетливые, как звон колокольчика. В бинокль я разглядел в деревне какую-то суету: вокруг хижин сновали толпы людей, порой сверкали ножи, похожие на мачете, и копыя, мелькали яркие саронги.

– Что там за суматоха? – спросил я шофера.

Тот взгляделся, прищурясь, и с радостной улыбкой обернулся ко мне:

– Это базар, сэр, – объяснил он и спросил с надеждой: – Маса хочет остановиться там?

– А ты думаешь, мы сможем там найти добычу?

– Да, сэр!

– По правде?

– По правде, сэр!

Я сделал вид, что рассердился.

– Ты лжешь, негодник, – сказал я. – Ты хочешь там остановиться, чтобы выпить. Разве не так?

- Да, сэ, – ухмыльнулся шофер, – только и маса там тоже найдет добычу.
- Ну ладно, остановимся ненадолго.
- Да, сэ, – радостно сказал шофер и рванул грузовик вниз по склону горы.

Большие круглые хижины с остроконечными соломенными крышами аккуратно разместились вокруг небольшой площади, затененной купами молодых эвкалиптов. Тут-то и расположился базар; торговцы разложили свой товар прямо на земле, на пестром уютном ковре света и тени под стройными деревьями, каждый на своем клочке, а вокруг теснились деревенские жители: они протискивались между торговцами, отчаянно спорили, болтали и размахивали руками. Чем только здесь не торговали! Я просто диву давался – сколько всякой всячины, подчас самой несуразной и неожиданной! Продавались сомы, копченые на костре и насаженные на короткие палки; рыба эта и живая-то на вид не слишком привлекательна, а уж высушенная, сморщенная, почерневшая от дыма она кажется какой-то шаманской куклой, которая корчится в отвратительной пляске. Были здесь и огромные тюки тканей, все больше очень ярких расцветок, – их ввозят из Англии, такие очень по вкусу африканцам; гораздо приятнее выглядели ткани местного изделия, плотные, мягкие и не столь кричащие. Среди этих ярких пятен мелькали в самых невероятных сочетаниях яйца и куры в бамбуковых корзинах, зеленый перец, капуста, картофель, сахарный тростник, огромные кровавые куски мяса; с веревок свисали большие, аккуратно выпотрошенные тростниковые крысы. Продавали и глиняную утварь, и плетеные корзины, и стулья, иголки, порох, пиво, силки для ловли птиц, плоды манго и папайи, клизмы, лимоны, местную обувь, прелестные сумки из волокна рафии, гвозди, кремни, карбид, касторку, сабли и леопардовые шкуры, парусиновые туфли, мягкие фетровые шляпы, пальмовое вино в калебасах, кокосовое и фисташковое масло в старых жестянках из-под керосина.

Посетители базара отличались таким же разнообразием и необычностью, как и товары, выставленные на продажу. Тут можно было увидеть людей народности хауса в ослепительно-белых одеяниях и маленьких белых шапочках; местных вождей в многоцветных одеждах и богато расшитых шапках с кисточками; были тут и полудикие жители отдаленных горных селений – на этих не было ничего, кроме набедренных повязок из грязной кожи; зубы у них заострены, на лицах татуировка. Для них эта деревня конечно же многолюдная столица, а базар, возможно, самое веселое развлечение за целый год. Они яростно спорили, размахивали руками, подталкивали друг друга, их темные глаза сверкали восторгом при виде таких вещей, как ямс или какая-нибудь тростниковая крыса; чаще всего они стояли тесной кучкой и не сводили жадных глаз с высоких кип разноцветных тканей – купить их они не надеялись – и лишь изредка меняли свой наблюдательный пункт, чтобы лучше видеть эту недостижимую роскошь.

Моих помощников и шофера засосало в красочном водовороте толпы, как муравьев в банке патоки, и я оказался предоставлен самому себе. Я немного побродил вокруг, потом подумал, не поснимать ли жителей горных селений, вынул фотоаппарат и стал наводить на фокус. Что тут началось! Ад кромешный: торговцы вмиг побросали свои товары и все пожитки и с дикими криками кинулись в ближайшее укрытие. Я даже растерялся – ведь африканцы обычно очень любят сниматься – и спросил у стоявшего рядом хауса, что случилось. Последовало любопытное объяснение: видимо, горцы уже знают, что если фотоаппарат направить на человека, потом получается его портрет. Но они твердо уверены, что вместе со снимком к фотографу переходит частичка души того, кто фотографируется, и, если снимков сделать много, фотограф обретет над ним полную власть. Отличный пример колдовства вполне современными средствами: в старину вы получали власть над человеком, если завладевали прядкой его волос или обрезками ногтей; в наши дни для той же цели, очевидно, вполне годится фотокарточка. И все-таки, хотя горцы вовсе не желали мне позировать, я ухитрился сделать несколько снимков очень простым способом: становился к ним боком и глядел в другую сторону, а сам щелкал аппаратом из-под мышки.

Однако вскоре я обнаружил нечто такое, от чего все мысли о фотографии и колдовстве сразу вылетели у меня из головы. В одной из маленьких темных палаток, которые окружали площадь, мелькнуло что-то рыжевато-красное, я двинулся туда и увидел очаровательную обезьянку: привязанная длинной веревкой за шею, она сидела на корточках в пыли и громко, пронзительно кричала «прруп!». Шерсть у нее была светло-рыжая, на груди белая манишка, а мордочка – траурно-черная. Ее «прруп» звучало не то криком птицы, не то дружеским кошачьим мурлыканьем. Несколько секунд она очень внимательно меня разглядывала, потом вдруг вскочила и пустилась в пляс.

Сперва она встала на ноги и начала высоко подпрыгивать, широко раскинув руки, точно собиралась прижать меня к груди. Потом опустилась на четвереньки и принялась скакать из стороны в сторону, как мяч, взлетая высоко в воздух. При этом она, видно, все больше входила во вкус и прыгала все выше. Затем последовала короткая передышка – и новые па: теперь обезьяна стояла на четвереньках, плечи и вся передняя половина ее туловища раскачивались, как маятник, а задняя оставалась совершенно неподвижной. Основная схема танца была ясна – и тут обезьяна показала мне, на что способна подлинно искусная, опытная танцорка из обезьяньего племени: она вертелась волчком, прыгала и скакала так, что у меня голова пошла

кругом. Обезьяна приглянулась мне с первого взгляда, а эта неистовая пляска дервиша совсем меня покорила, и, конечно же, я просто не мог не купить танцовщицу. Я заплатил ее владельцу двойную цену и с торжеством унес обезьяну. В какой-то палатке я тотчас купил ей связку бананов, и она была так тронута моей щедростью, что тут же меня отблагодарила: обмочила мне всю рубашку. Я отыскал всех своих и шофера – от них так и несло пивом, – мы погрузились в машину и поехали дальше. Обезьяна сидела у меня на коленях, запихивала в рот бананы, обозревала окрестности из окна кабины и слегка повизгивала от волнения и удовольствия.

В знак признания ее танцевальных талантов я решил назвать ее «Балерина», и впредь мы ее так и звали – «красная маргышка Балерина».

Наше путешествие длилось еще несколько часов, и к концу его в долины хлынули темно-лиловые тени, а солнце неторопливо погружалось в несчетные пунцово-зеленые перистые облачка за самыми высокими вершинами западных гор.

Мы сразу поняли, что наконец достигли цели, потому что у Бафута дорога просто кончилась. Слева тянулся огромный пыльный двор, окруженный высокой стеной из красного кирпича. За стеной разместилось множество круглых хижин с высокими соломенными крышами, они теснились вокруг небольшой чистенькой виллы. Но все эти строения казались крохотными и жалкими по сравнению с огромным сооружением, похожим на диковинный улей, только увеличенный в тысячу раз. Это была огромная круглая хижина с толстенной соломенной крышей куполом, загадочная и черная от старости. По другую сторону дороги начинался крутой подъем, вверх тянулась широкая лестница ступеней в семьдесят – она вела к большой двухэтажной вилле в форме коробки для обуви, каждый этаж ее обведен был широкой сплошной верандой и обе веранды обильно увиты бугенвиллеей и другими вьющимися растениями. Так, значит, вот он какой – мой дом на ближайшие несколько месяцев.

Не успел я с трудом выбраться из кабины грузовика – ноги совсем затекли, – как под аркой в дальней стене большого двора открылась дверь и ко мне через весь двор направилась небольшая процессия. Это были мужчины, в большинстве пожилые; их развевающиеся многоцветные одеяния шелестели на ходу, голову каждого покрывала маленькая круглая шапочка, богато расшитая разноцветной шерстью. Посреди этой группы шагал высокий стройный человек с живым улыбчивым лицом. На нем была простая белая одежда и шапочка без всяких украшений, и все же, несмотря на это, я тотчас понял, что в этой яркой толпе он самый главный – так величава была его осанка. Это был Фон – правитель Бафута, огромного лугового королевства, которое мы пересекли на пути сюда, и многого множества чернокожих подданных. Я знал, что он сказочно богат и правит своим королевством толково и умно, хоть и несколько деспотично. Фон остановился передо мной, приветливо улыбнулся и протянул мне большую тонкую руку.

– Милости просим, – сказал он.

Позднее я убедился, что он говорит на ломаном английском не хуже своих подданных, но почему-то стесняется этого умения, и вначале мы разговаривали через переводчика; тот стоял рядом, почтительно склонившись, и переводил мою приветственную речь, прикрывая рот руками, сложенными лодочкой. Фон вежливо слушал, пока я говорил, а переводчик переводил, потом взмахнул большой рукой и указал на виллу, стоявшую на вершине холма по ту сторону дороги.

– Отлично! – сказал он и широко улыбнулся.

Мы снова обменялись рукопожатием, он зашагал со своими советниками назад через двор и скрылся за дверью под аркой, предоставив мне самому располагаться в его вилле.

Часа через два, когда я уже принял ванну и перекусил, ко мне явился гонец и сообщил, что Фон хотел бы зайти ко мне потолковать, если, конечно, я успел немного отдохнуть с дороги. Я ответил, что вполне отдохнул и буду счастлив принять Фона; потом я извлек из чемодана бутылку виски и стал ждать. Вскоре он прибыл в сопровождении своей маленькой свиты, мы

уселись на веранде, где уже горела лампа, и принялись болтать. Я выпил за его здоровье виски с водой, а он за мое – чистое виски. Сначала мы разговаривали через переводчика, но когда уровень виски в бутылке изрядно понизился, Фон заговорил по-английски. Добрых два часа я подробно рассказывал ему о том, зачем я сюда приехал, показывал книги и фотографии нужных мне зверей, рисовал их на клочках бумаги и, когда все остальное не доходило, пытался подражать их голосам, а между тем стакан Фона неукоснительно наполнялся опять и опять – просто страшно становилось.

Он сказал, что, надо думать, мне удастся добыть почти всех зверей, которых я ему показывал, и обещал назавтра прислать искусных охотников. Но, пожалуй, лучше он сам объявит людям, что мне нужно, продолжал Фон, и они все постараются поймать для меня добычу, а самый удобный случай объявить об этом представится дней через десять. Тогда состоится некая церемония: как я понял, в назначенный день его подданные всегда собирают в горах и долинах огромное количество сухой травы и приносят ее в Бафут, чтобы Фон мог перекрыть крышу своей громадной таинственной обители и крыши жилищ своих бесчисленных жен. Когда траву приносят, он задает пир на весь мир. На торжество собираются многие сотни людей со всех окрестных мест, и, как объяснил Фон, удачней случая не придумаешь; он произнесет речь и растолкует людям, чего я от них хочу. Я с радостью согласился, от души и довольно многословно его поблагодарил и в очередной раз наполнил его пустой стакан. Бутылка быстро пустела, наконец в ней не осталось ни капли – хоть ставь ее вверх дном. Тогда Фон величественно поднялся на ноги, подавил икоту и протянул мне руку.

– Я пошел, – заявил он и помахал рукой куда-то в сторону своей маленькой виллы.

– Мне очень жаль, – учтиво сказал я. – Хочешь, я пойду провожу?

– Да, мой друг! – просиял он. – Да, отлично!

Я кликнул одного из его свиты, и тот примчался стремглав, держа в руке фонарь-молнию. Светя этим фонарем, он пошел впереди нас по веранде и дальше, к той длинной лестнице. Фон все еще не выпускал мою руку, а другой рукой обводил веранду, комнаты и залитый лунным светом сад далеко внизу и, очень довольный, бормотал про себя: «Отлично, отлично». Когда мы добрались до лестницы, он приостановился, с минуту задумчиво глядел на меня, потом ткнул длинной рукой вниз.

– Семьдесят пять ступеньки, – сказал он и просиял.

– Очень хорошо, – согласился я и кивнул.

– Сейчас мы их считаем, – предложил Фон, в восторге от своей затеи. – Семьдесят пять, мы их считаем.

Он обхватил меня за плечи, всей тяжестью повис на мне, и мы начали спускаться на дорогу, не переставая громко считать ступеньки. Фон помнил английский счет только до шести, остальные цифры он забыл; на полпути мы сбились, что-то перепутали, и, когда добрались до нижней площадки, оказалось, что по его расчетам трех ступенек не хватает.

– Семьдесят два? – спросил он сам себя. – Нет-нет, семьдесят пять. Куда же подевался остальные?

И гневно оглядел свою съезжившуюся от страха свиту, что ждала нас внизу, на дороге, будто подозревал, что его приближенные спрятали недостающие три ступеньки у себя под одеждой. Я поспешно предложил пересчитать все заново. Мы опять вскарабкались наверх до самой веранды, считая изо всех сил, потом, для окончательной проверки, считали всю дорогу вниз. Сосчитав до шести, Фон всякий раз начинал сызнова, так что я очень скоро понял: если я не хочу всю ночь бродить вверх и вниз по этой лестнице, разыскивая недостающие ступеньки, надо что-то предпринять. Поэтому, когда мы дошли до самого верха и опять спустились вниз, я громко, торжествуя провозгласил: «Семьдесят пять!» – и радостно улыбнулся моему спутнику. Сперва он не очень охотно согласился с моим счетом, ибо сам дошел только до пяти и был уверен, что существование остальных семидесяти надо еще как-то доказать. Однако я заверил

его, что в юности получил немало наград за устный счет и что все сосчитано правильно. Фон прижал меня к груди, потом схватил за руку, с силой стиснул ее и пробормотал: «Отлично, отлично, мой друг». Наконец он двинулся через огромный двор к своей резиденции, а я потащился наверх (по семидесяти пяти ступенькам) к своей кровати.

Весь следующий день, превозмогая отчаянную головную боль – результат вчерашней попойки с Фоном, – я усердно сколачивал клетки в надежде, что мне вот-вот начнут приносить «добычу». В полдень ко мне явились четверо высоких, внушительного вида молодых людей в ярких праздничных саронгах, с кремневыми ружьями в руках. Это устрашающее оружие было невообразимо древнее, стволы изъедены ржавчиной, и вид у них такой, точно каждое ружье перенесло оспу в тяжелейшей форме. Я заставил молодых людей вынести опасное оружие за ворота и сложить его там и только потом разрешил им подняться ко мне. Это и были охотники, которых прислал Фон; с полчаса я показывал им фотографии зверей и объяснял, сколько за какого зверя буду платить. Потом я велел им идти на охоту, а вечером доставить сюда ко мне все, что они поймают. Если же они ничего не поймают, пусть приходят на следующее утро. Я оделил их сигаретами, и они побрели по дороге, о чем-то оживленно переговариваясь и увлеченно тыкая ружьями во все стороны.

В тот же вечер один из четверых вернулся с маленькой корзинкой. Он присел на корточки, жалобно поглядел на меня и стал объяснять, что ему и его товарищам по охоте не очень-то повезло на этот раз. Они ходили далеко, сказал он, но не нашли ни одного зверя из тех, что я им показывал. Впрочем, кое-что они все-таки добыли.

Тут он подался вперед и поставил корзинку к моим ногам.

– Не знаю, маса хочет такой добыча? – спросил он.

Я приподнял крышку и заглянул в корзинку. Я надеялся, что увижу белку или, может, крысу, но там сидела пара больших прекрасных жаб.

– Маса нравится такой добыча? – спросил охотник, с тревогой вглядываясь мне в лицо.

– Да, очень нравится, – сказал я, и он расплылся в улыбке.

Я уплатил ему что положено, наделил сигаретами, и он отправился восвояси, пообещав вернуться наутро вместе со своими друзьями. Когда он ушел, я мог наконец заняться жабами. Каждая была величиной с блюдце, глаза огромные, блестящие, а короткие толстые лапы, казалось, не без труда поддерживали тяжелое тело. Расцветка у них была просто изумительная:

спинка густого кремового цвета, в крошечных извилистых черных полосках; с боков голова и тело темно-красные, цвета то ли вина, то ли красного дерева, а живот – ярко-желтый, цвета лютика.

Надо сказать, что жабы всегда были мне симпатичны, ибо я убедился, что они существа спокойные, благонаправные и в них есть какая-то своя прелесть: они не так неуравновешенны и не так придурковаты и неуклюжи, как лягушки, кожа у них на вид не такая мокрая и они не сидят с разинутым ртом. Но до встречи с этими двумя я воображал, что, хотя жабы по расцветке и вообще по внешнему виду бывают очень несхожи, нрав у них у всех примерно один и тот же: если знаешь одну, можно считать, что знаешь всех. Однако, как я очень скоро обнаружил, характер у этих двух земноводных столь своеобразен, что ставит их чуть ли не наравне с млекопитающими.

Эти существа называются жабами-сухолистками, потому что необычные кремовые (с темными прожилками) их спины по цвету и рисунку очень напоминают сухой лист. Если такая жаба замрет на земле в осеннем лесу, ее никак не различить среди опавших листьев. Отсюда их английское название. Научное же название – бровастая жаба, а по-латыни они называются еще удачнее – *Bufo superciliaris*¹, ибо такая жаба на первый взгляд кажется необычайно надменной. Кожа над большими глазами как бы вздернута и собрана острыми уголками, так что полное впечатление, будто жаба подняла брови и глядит на мир свысока, с язвительной насмешкой. Широко растянутый рот подбавляет жабе аристократической надменности: углы его слегка опущены, словно жаба усмехается; такое выражение я видел еще только у одного животного на свете – у верблюда. Прибавьте к этому неторопливую, покачивающуюся походку и привычку через каждые два-три шага присаживаться и глядеть на вас с какой-то презрительной жалостью – и вы поймете, что перед вами самое надменное существо на свете.

Обе мои сухолистки сидели рядышком на дне корзины, высланном свежей травой, и глядели на меня с уничтожающим презрением. Я наклонил корзинку, и они вперевалочку вылезли на пол, исполненные достоинства и негодующие, – ни дать ни взять два лорд-мэра, которых ненароком заперли в общественной уборной. Они отошли фута на три от корзинки и уселись, слегка задыхаясь, – видимо, совсем выбились из сил. Минут десять жабы пристально меня разглядывали и с каждой минутой явно все сильнее презирали. Потом одна двинулась в сторону и пристроилась у ножки стола, должно быть приняв ее за ствол дерева. Вторая продолжала меня разглядывать и по зрелом размышлении, видно, составила обо мне такое мнение, что ее вырвало и на полу оказались полупереваренные останки кузнечика и двух бабочек. Тут жаба кинула на меня укоризненный и страдальческий взгляд и зашлепала к ножке стола, где сидела ее подруга.

Подходящей для них клетки у меня не нашлось, и сухолистки провели первые несколько дней взаперти у меня в спальне; там они медленно, задумчиво бродили по полу или сидели, погруженные в глубокое раздумье, под кроватью – словом, неслезанно развлекали меня своим поведением. Прошло всего несколько часов нашего знакомства, а я уже убедился, что был глубоко несправедлив к своим толстушкам-сожительницам: они оказались вовсе не такими самодовольными и надменными, какими притворялись. На самом деле это робкие и застенчивые создания, они легко смущаются и начисто лишены самоуверенности; я подозреваю, что они даже страдают глубоким, неискоренимым комплексом неполноценности и их невыносимо важный вид – всего лишь попытка скрыть от мира неприглядную истину: они ничуть в себе не уверены. Это я совершенно случайно обнаружил в первый же вечер их пребывания в моей спальне. Я записывал их расцветку, а жабы сидели у моих ног на полу, и вид у них был такой, точно они обдумывали свои биографии для записи в Книгу лордов. Мне надо было осмотреть повнимательней нижнюю половину их тела, поэтому я нагнулся и поднял одну из них двумя

---

¹ *Bufo superciliaris* (лат.) – буквально: спесивая жаба. – Примеч. ред.

пальцами; я обхватил ее за туловище под передними лапками так, что она болталась в воздухе и вид у нее при этом был самый жалкий, – в такой позе просто немислимо сохранить достоинство. Потрясенная подобным обращением, жаба громко негодующе закричала и лягнула воздух толстыми задними лапками, но где ей было от меня вырваться! И ей пришлось болтаться в воздухе, пока я не закончил осмотра. Но когда я наконец посадил ее на прежнее место рядом с подругой, это была уже совсем другая жаба. В ней не осталось и следа прежнего аристократического высокомерия: на полу сидело сломленное, покорное земноводное. Жаба вся съжилась, большие глаза тревожно моргали, на физиономии ясно выражались печаль и робость. Казалось, она вот-вот заплачет.

Превращение это произошло столь внезапно и бесповоротно, что можно было только изумляться, и, как это ни смешно, я очень огорчился – ведь это я так ее унизил! Чтобы хоть как-то сгладить случившееся, я поднял вторую жабу, дал и ей поболтаться в воздухе – и эта тоже сразу утратила свою самоуверенность: едва я опустил ее на пол, она тоже стала робкой и застенчивой. Так они и сидели, приниженные, несчастные, и выглядели до того забавно, что я бестактно расхохотался. Этого их чувствительные души вынести уже не могли: обе тотчас поспешно двинулись прочь от меня, спрятались под столом и просидели там добрых полчаса. Зато теперь, когда я открыл их тайну, я мог сбивать с них спесь когда угодно: надо было только легонько щелкнуть их пальцем по носу, и они тут же виновато съживались, точно вот-вот покраснеют от смущения, и глядели на меня умоляющими глазами.

Я построил для моих сухолисток большую удобную клетку, и они прекрасно там устроились; впрочем, заботясь об их здоровье, я разрешал им каждый день выходить на прогулку в сад. Правда, когда животных стало больше, у меня оказалось столько работы, что я уже не мог стоять и ждать, пока мои аристократки – голубая кровь надышатся воздухом; к большому их неудовольствию, прогулки пришлось сократить. Но однажды я случайно нашел для них сторожа, на чье попечение мог спокойно их оставлять, не прерывая работы. Этим сторожем оказалась красная маргышка Балерина.

Балерина была на редкость ручная и очень деликатная обезьяна, и она живо интересовалась всем, что происходило вокруг. Когда я впервые выпустил сухолисток на прогулку поблизости от того места, где была привязана Балерина, обезьяна уставилась на них как замороженная: она встала на задние ноги и всячески выворачивала шею, стараясь не упустить их из виду, пока они важно шествовали по саду. Через десять минут я вернулся в сад поглядеть, как там мои жабы, и обнаружил, что обе они подошли прямо к обезьяне. Балерина сидела между ними на корточках, нежно их гладила и громко что-то бормотала от удивления и удовольствия. У жаб вид был до смешного довольный, они сидели не шевелясь: эти ласки явно доставляли им удовольствие.

После этого я каждый день выпускал жаб возле того места, где была привязана Балерина, и она за ними присматривала, пока они бродили вокруг. Завидев их, обезьяна вскрикивала от восторга, потом нежно их поглаживала до тех пор, пока они не оставались лежать подле нее без движения, как загипнотизированные. Если они отходили чересчур далеко и могли скрыться в густом кустарнике на опушке сада, Балерина ужасно волновалась и звала меня пронзительными криками, стараясь дать мне знать, что ее подопечные убегают и я должен поскорее поймать их и принести обратно к ней. Однажды она позвала меня, когда жабы забрели слишком далеко в поле, но я не услышал, и, когда позднее спустился в сад, обезьяна истерически металась на привязи, натянув веревку до отказа, и отчаянно кричала, а жаб нигде не было видно. Я отвязал обезьяну, и она тотчас повела меня к густым кустам на краю сада; там она очень скоро нашла беглянок и припала к ним с громкими радостными криками.

Балерина ужасно привязалась к этим жабам. Видели бы вы, как нетерпеливо она здоровалась с ними по утрам, как нежно гладила и похлопывала, как волновалась, когда они забредали слишком далеко, – это было поистине трогательное зрелище! Она только никак не могла

понять, почему у них нет шерсти, как у обезьяны. Она трогала пальцами их гладкую кожу, пыталась раздвинуть несуществующую шерсть, и на ее черном личике явственно читалась тревога; порой она наклонялась и начинала задумчиво лизать им спину. Впрочем, довольно скоро их безволосые спины перестали ее тревожить, и она обращалась с ними нежно и любовно, как с собственными детенышами. Жабы на свой лад тоже привязались к обезьяне, хоть она порой и унижала их достоинство, а это им бывало не по нраву. Помню, однажды утром я их выкупал, что доставило им немалое удовольствие, а по дороге через сад домой к их мокрым животам прилипли мелкие щепочки и комья земли. Это очень огорчило Балерину, ей хотелось, чтобы ее любимицы были всегда чистенькие и аккуратные. И вот я застал такую картину: обезьяна сидела на солнышке, задние ноги ее, как на подставке, покоились на спине одной жабы, а другая сухолистка болталась в воздухе – обезьяна держала ее на весу в самом неудобном и унижительном положении. Жаба медленно кружилась в воздухе, а обезьяна озабоченно обирала с нее всякий мусор и все время попискивала и повизгивала – что-то объясняла. Покончив с одной жабой, Балерина опустила ее на землю, где та осталась сидеть, притихшая, подавленная, и принялась за другую – подняла ее в воздух и заставила пережить то же унижение. Да, в присутствии Балерины сухолисткам никак не удавалось проявлять свое аристократическое высокомерие.

II Гончие Бафута

Для ловли различных представителей животного мира Бафута в моем распоряжении имелись четыре охотника, которых прислал мне Фон, а сверх того – свора из шести тощих, нескладных дворняжек; их владельцы уверяли меня, что это лучшие охотничьи собаки во всей Западной Африке. Всю эту разношерстную компанию я прозвал Гончими Бафута. Охотники, конечно, не понимали этого названия, но чрезвычайно им гордились, и однажды я услышал, как один из них в споре с соседом громко и возмущенно заявил: «Ты на меня не кричи, мой друг. Не знаешь, что ли, – я тоже Гончая Бафута!»

Охотились мы так: уходили в какую-нибудь долину подальше или в горы и выбирали место, где трава и кусты погуще. Там мы полумесяцем раскидывали сети, а потом ходили по подлеску с собаками и загоняли в сети все, что попадалось. У каждой собаки на ошейнике висела маленькая деревянная погремушка, и, когда вся свора скрывалась в высокой траве, по громкому бречанию этих украшений всегда можно было определить, где собаки. Такой способ охоты был очень удобен – я всегда оказывался на месте и мог сразу же заняться пойманными животными: их тотчас увозили в Бафут и без промедления помещали в удобную клетку. Мы перевозили их в мешках с отверстиями для доступа воздуха (отверстия эти были оправлены кольцами из латуни, чтобы их нельзя было разорвать изнутри); мешки для более крупных и свирепых зверей сшиты были из брезента или дерюги, а для мелких и безобидных – из ткани помягче. Очутившись в темном мешке, наши пленники, как правило, переставали отбиваться и лежали смирно до тех пор, пока не попадали в клетку; для животного страшней всего были те минуты, когда его выпутывали из сети, но уже очень скоро мы так набили руку, что проделывали это необыкновенно ловко: минута-другая – и животное уже схвачено, извлечено из сети и упрятано в мешок.

В первый день, когда я выступил в поход с Гончими Бафута, охотники вооружились так, словно мы собрались охотиться на львов. В придачу к обычным ножам они взяли с собой копыя и кремневые ружья. Мне вовсе не хотелось по чьей-то оплошности получить в бок заряд ржавых гвоздей и камешков, а потому, несмотря на горестные мольбы охотников, я настоял, чтобы ружья остались дома. Охотники просто в ужас пришли от моего решения.

– Маса, – жалобно возразил один, – если мы встретим опасный добыча, как мы его убивать, если ружье лежать здесь?

– Если мы встретим опасную добычу, мы не станем ее убивать, а поймаем, – решительно объявил я.

– А? Маса будет поймать опасный добыча?

– Именно так, друг мой. А если ты боишься – не ходи с нами, понял?

– Маса, я не боюсь, – с негодованием возразил охотник. – Только если мы встретим опасный добыча и он убить маса, тогда Фон много сердиться.

– Умолкни, мой друг, – сказал я и достал свое охотничье ружье. – Я возьму ружье. И тогда, если добыча убьет меня, это уж не ваша забота, ты понял?

– Я понял, сэр.

Утро только занималось, и солнце еще не поднялось над горными цепями, что окружали Бафут. Небо было нежнейшего розового оттенка, и на нем там и сям белели кружевные облачка. Долины и горы все еще обволакивал и скрывал от глаз утренний туман, а высокая золотистая трава вдоль дороги склонялась под тяжестью росы. Охотники гуськом шагали впереди, а собаки то разбегались по кустам, то возвращались, и погремушки их весело побрякивали со всех сторон. Наконец мы свернули с дороги на узкую извилистую тропинку, что вела через холмы. Здесь туман был гуще, но стлался низко, по самой земле. Он совсем закрывал

наши ноги, и это было очень странно – будто бредешь по пояс в ровном, чуть зыблющемся пенном озере. Высокая трава, влажная от росы, похрустывала под моими подошвами, а вокруг, где-то в глубине этого молочно-белого озера тумана, поминутно раздавались взрывы хохота – это крохотные лягушки потешались над чем-то, понятным лишь им одним. Вот и солнце встало над дальней кромкой гор, точно огромный замороженный апельсин, с каждой минутой лучи его грели все жарче, туман начал подниматься и легкими спиралями и кольцами заструился ввысь: вскоре уже казалось, будто мы идем сквозь лес призрачных белых деревьев, которые извиваются, гнутся, распадаются и возникают вновь, причудливо меняя форму с легкостью амёбы, и все тянутся вверх, точно ввинчиваются в воздух.

Через два часа мы добрались до места, которое охотники выбрали для нашей первой охоты. Эта довольно широкая и глубокая долина лежала между двумя грядами холмов, чуть изгибаясь наподобие лука. Крохотный ручеек проложил себе путь по дну долины, между черными глыбами камней и золотистыми лугами; он сверкал на солнце, словно тончайшая стеклянная паутина. Долина здесь почти сплошь поросла высокой, непролазно-густой травой и мелким кустарником; местами, отбрасывая тень на траву, поднимались кусты повыше и молодые деревца.

Мы спустились в долину и растянули поперек нее ярдов сто сетей. Потом охотники подзвали собак и пошли ко входу в долину, а я остался возле сетей. На полчаса установилась тишина – охотники с собаками медленно двигались к сетям, лишь побрякивали деревянные погремущки на ошейниках собак, да, случалось, пронзительно ругнется, наступив на колючку, какой-нибудь незадачливый охотник. Я уже начинал думать, что ничего мы сегодня не поймем, как вдруг охотники подняли неистовый крик, а собаки залились яростным лаем. Они были еще довольно далеко от сетей, и я их не видел за небольшой купой деревьев.

– Что там у вас? – завопил я, стараясь перекрыть весь этот шум.

– Тут есть добыча, маса, – донесся ответ.

Я терпеливо ждал, и наконец из-за деревьев показался задыхающийся от бега охотник.

– Маса, дай мне вон тот маленький сеть, – сказал он, указывая на мелкие сети, аккуратно сложенные возле мешков.

– А какую добычу вы там нашли? – спросил я.

– Белка, сэр. Он убежал на дерево.

Я взял толстый брезентовый мешок и пошел за ним сквозь кусты к деревьям. Тут столпились охотники, они говорили все разом и отчаянно спорили, как лучше достать зверька, а собаки лаяли и прыгали вокруг небольшого деревца.

– Где ваша добыча? – спросил я.

– Он вон там, маса, наверху.

– Хороший добыча, маса!

– Мы сейчас его поймать, маса!

Я подступил к самому стволу, задрал голову и стал вглядываться в листву: футах в двадцати над нами на ветке сидела большая красивая белка – шерстка полосато-серая, белая полоска на ребрах, а лапки оранжевые. Хвост длинный, но не пушистый, в поперечных полосках, точно светло-серые и черные кольца. Белка сидела на ветке, махала на нас хвостом и довольно сердито кричала: «Чак! чак!» – точно мы ее не испугали, а только разозлили. Мы принялись раскидывать сети вокруг дерева футах в десяти от его ствола, а белка следила за нами злобным взглядом. Потом мы привязали собак, и я велел самому малорослому из охотников вскарабкаться на дерево и согнать белку вниз. Вторая часть операции была предложена самими охотниками; я думал, справиться с белкой на дереве – задача невыполнимая, но охотники уверяли, что, если кто-нибудь залезет на дерево, белка непременно спустится на землю. И они оказались совершенно правы: не успел охотник добраться до верхних ветвей с одной стороны ствола, как белка кинулась вниз по другой его стороне. Просто чудо, как она сообразила броситься к тому единственному месту, где сеть была чуть-чуть порвана, протиснулась в дыру и поскакала прочь по траве, а мы очертя голову бросились в погону, на бегу все разом выкрикивали друг другу всяческие мудрые советы и распоряжения, и, конечно же, никто не

обращал на них никакого внимания. Мы только успели обогнуть группу кустов, как увидели нашу белку – она бежала вверх по стволу другого невысокого деревца.

Мы опять расставили сети, и опять охотник полез на дерево, чтобы согнать белку вниз. Но на этот раз она оказалась еще хитрей: она заметила, что мы караулим дыру в сетях, через которую она улизнула в первый раз, сбежала по стволу на землю, сжалась в комочек и прыгнула. Пролетела по воздуху в полудюйме над сетью и опустилась по ту сторону. Стоявший ближе других охотник сделал отчаянный рывок, но промахнулся, и белка ускакала прочь, без умолку с негодованием твердя свое «чак! чак!». На сей раз она избрала другую тактику: вместо того чтобы взлететь на дерево, юркнула в ямку между корнями.

И опять мы окружили дерево сетями и начали шарить длинными тонкими прутьями в лабиринте корней, среди которых она пряталась. Но из этого тоже ничего не вышло, только «чак! чак!» раздавалось все чаще, и мы скоро отступились. Следующая наша попытка, однако, оказалась более успешной: мы засунули в самое большое отверстие пучок тлеющей травы, удушливый дым распространился по всем извилам и ходам лабиринта, и мы услышали сердитое чихание и кашель. Под конец белка не выдержала и выскочила из-под корней, прямо головой в сеть. Но и тут она еще не сдалась: пока ее выпутывали из сетей, она укусила меня и двух охотников впридачу, а когда ее засовывали в брезентовый мешок – третьего. Потом я повесил мешок на ветки ближайшего кустика, и все мы уселись покурить – после трудов праведных это было просто необходимо, – а белка глядела на нас сквозь латунные кольца отверстий и злобно кричала, будто бросала нам вызов: «Ну-ка, попробуйте открыть мешок и встретиться со мной лицом к лицу!»

Полосатые земляные белки широко распространены на зеленых равнинах Западной Африки, но я был очень доволен, что поймал хоть одну, – таких у меня еще не бывало. Как ясно из их названия, эти белки живут почти исключительно на земле, и я порядком удивился, что наша пыталась найти убежище на дереве. Позднее я обнаружил, что все белки, которые живут в лугах (большинство их действительно земляные), в минуту опасности кидаются к деревьям и только в самом крайнем случае ищут спасения среди корней или в дуплах гнилых деревьев.

Наконец мы перевязали свои раны, покурили и поздравили друг друга с первой добычей, потом передвинули большую сеть дальше по долине; здесь трава была густая, перепутанная, высотой чуть ли не в шесть футов. Это отличное место для особенной добычи, сказали мне охотники, хотя из вполне понятной осторожности не пожелали уточнить – для какой именно. Мы расставили сети, я устроился в удобном месте где-то посередине, внутри дуги, чтобы сразу же извлечь оттуда то, что попадет, а охотники взяли собак и ушли примерно на четверть мили дальше по долине. Высоким протяжным криком они дали мне знать, что стали пробиваться сквозь густую траву, и тут наступила тишина. Лишь трещали и пощелкивали вокруг бесчисленные цикады и кузнечики, да издали чуть слышались собачьи погремушки. Прошло полчаса – ничего! Со всех сторон меня теснила шелестящая чаща высокой травы, такая густая и дремучая, что в двух шагах уже ничего не разглядеть.

Крохотная прогалинка, где я сидел, пылала зноем, мне ужасно захотелось пить; я огляделся и вдруг вспомнил, что мой заботливый повар сунул в один из мешков термос с чаем, а я совсем было о нем забыл. Я с благодарностью вытащил термос, уселся на корточки на самом краю прогалины среди высокой травы и налил себе чаю в стаканчик от термоса. Я пил, поглядывая по сторонам и вдруг заметил прямо перед собой в сплошной стене травы узкий, темный проход – его явно протоптал в травяном лесу какой-то зверь; я решил, когда покончу с чаепитием, обследовать этот проход.

Не успел я налить себе второй стаканчик, как справа, совсем рядом, раздался отчаянный шум и гам: охотники пронзительными криками подбадривали собак, а собаки заливались неистовым лаем. «Что у них там происходит?» – подумал я, и вдруг в траве послышался шорох; я придвинулся поближе к темному проходу в надежде разглядеть, что там шуршит. Внезапно

травя раздвинулась, оттуда выскочило нечто темно-бурое и ринулось прямо на меня. Я нападения никак не ожидал, да еще сидел на корточках и держал в одной руке термос, а в другой стаканчик с горячим чаем. Животное, которое со страху показалось мне вдвое крупней бобра, прыгнуло прямо мне на грудь; от неожиданности я опрокинулся на спину, зверек стоял у меня на животе, а из термоса прямо мне на колени лился обжигающий чай. Оба мы одинаково удивились и, кажется, одинаково завизжали от страха. Руки у меня были заняты, я попытался стиснуть зверька локтями, но он соскочил с меня, точно резиновый мяч, и ускакал в траву. Сеть в одном месте стала подергиваться и трястись, и до меня донесся отчаянный визг, – видно, мой незнакомец угодил прямо в нее. Я закричал охотникам и с трудом пробрался сквозь густую траву туда, где шевелилась сеть.

Зверек основательно в ней запутался и теперь лежал весь скорчившись, вздрагивал и пугливо фыркал; то и дело он безуспешно пытался перекусить петли сети острыми зубами. Теперь я его разглядел как следует. В сеть попала очень большая тростниковая крыса, животное,

известное африканцам под именем траворезки, что очень точно передает его повадки: своими большими, отлично развитыми резцами траворезка проходит по лугам, да и по засеянным полям, как косилка. В длину она два с лишним фута и покрыта грубой коричневой шерстью. Мордочка круглая, как у бобра, маленькие уши плотно прижаты, хвост толстый, безволосый, и большие лапы, тоже безволосые. Она, видно, до полусмерти испугалась меня, и я не стал подходить ближе, пока не подоспели охотники, – боялся, как бы она все-таки не вырвалась из сетей.

Крыса лежала и судорожно вздрагивала, а порой дергалась, пыталась подскочить в воздух и всякий раз при этом отчаянно взвизгивала. Я изрядно встревожился – вдруг у нее сейчас будет разрыв сердца? Только много позднее, когда я поближе познакомился с тростниковыми крысами, я узнал, что такой истерикой они встречают все новое, непривычное – вероятно, в надежде испугать или смутить врага. А на самом деле тростниковая крыса – животное отнюдь не из робких и не замедлит впиться своими огромными резцами вам в руку, если вы позволите себе с ней какую-либо вольность. Я оставался на почтительном расстоянии до тех пор, пока не подошли охотники; тут мы общими усилиями извлекли крысу из сети.

Когда ее вытащили и стали сажать в крепкий мешок, крыса вдруг отчаянно подпрыгнула у меня в руках; я сжал ее покрепче, и, к моему удивлению, у меня в пальцах остался большой клочок шерсти. Наконец мы надежно засунули траворезку в мешок, а я сел и принялся рассматривать шерсть, которую невольно сорвал с моей упитанной пленницы. Шерсть оказалась длинной и довольно жесткой, похожей на грубую щетину; корни у нее, видно, очень слабые: чуть потянешь – и лезет клочьями. Заново отрастает она очень нескоро, и, так как лысую тростниковую крысу никак нельзя назвать красавицей, обращаться с ней приходится в высшей степени осторожно.

Поймав тростниковую крысу, мы медленно двинулись дальше по долине, время от времени расставляя сети и обшаривая подозрительные кусты и подлесок. Когда стало ясно, что больше тут нечем поживиться, мы свернули сети и направились к большому холму в полумиле от долины. Холм этот был на редкость правильной формы, и мне на ум тотчас пришел курган, под которым похоронен какой-то исполин, что бродил по этой равнине в давно минувшие времена: на самом верху возвышалась груда каменных глыб, каждая величиной с дом, – казалось, будто здесь воздвигнут памятник. В узких расщелинах и просветах между глыбами росли чахлые деревца, стволы их были изогнуты и скручены всеми ветрами, но на каждом светились гроздь ярко-золотистых плодов. В высокой траве у подножий деревьев виднелись фиолетовые и желтые орхидеи, а местами эти огромные камни покрывал толстым ковром какой-то густо разросшийся вьюнок, с его стеблей свисали колокольчики цвета слоновой кости. Эти вздыбленные скалы, яркие цветы и причудливо изогнутые деревья являли собой удивительное зрелище на фоне багряно-голубого предвечернего неба.

Мы забрались на холм и уселись на корточках в тени камней среди высокой травы, чтобы перекусить. Кругом, сколько хватал глаз, простирались горные луга, цветы и трава колыхались на ветру, краски их сверкали и переливались, поминутно изменяясь. Гребни холмов из бледно-золотых постепенно становились белыми, а долины были нежного зеленовато-голубого цвета и местами темнели, когда над ними торжественно проплывало кучевое облако и тянуло за собой лиловую тень. Прямо перед нами в небе отчетливо вырисовывалась цепь тонко очерченных гор, их подножие почти скрывала россыпь огромных валунов вперемежку с малорослыми деревьями. Горы плавно круглились, они были на удивление правильной формы. Их покрывала трава самых разнообразных оттенков зеленого, золотого, пурпурного и белого цветов, и казалось – это накатывается огромная океанская волна: она вздымается над тщедушной преградой из камней и кустов и вот-вот через нее перехлестнет. Высоты эти были необыкновенно покойны и тихи, тишину нарушал, кажется, один лишь ветер – он хлопотливо метался во все стороны, заставляя каждую былинку петь свою собственную песню. Ветер расчесывал траву, и

она мягко шелестела, он протискивался меж камней, забирался в трещины и расселины гор над нами, и оттуда доносилось что-то вроде жалобного уханья совы и внезапных раскатов хохота, ветер гнул и скручивал упрямые крепкие деревца, они трещали и стонали, а листья трепетали и мурлыкали, как котята. И все же эти невнятные звуки не нарушали, а скорее подчеркивали тишину лугов.

Вдруг тишина раскололась – из-за тесной группы скал донесся ужасающий рев. Я с трудом пробрался туда и увидел: у подножия каменной глыбы сбились в кучу охотники и собаки. Трое охотников о чем-то отчаянно спорили, а четвертый выли и приплясывал от боли; из раны у него на руке хлестала кровь. Взволнованные собаки прыгали вокруг и неистово лаяли.

– Что тут у вас за суматоха? – спросил я.

Все четверо обернулись ко мне и принялись каждый на свой лад рассказывать, в чем дело; они кричали все громче, стараясь перекричать друг друга.

– Зачем вы так кричите? Как же мне вас понять, если вы говорите все сразу, как женщины? – сказал я.

Добившись таким образом тишины, я указал на окровавленного охотника.

– Как ты получил эту рану, друг мой?

– Маса, это меня добыча укусила.

– Добыча? Какая добыча?

– Э, маса, я не знаю. Уж очень она сильно кусать, сэр.

Я осмотрел его руку и убедился, что из ладони словно аккуратно вырезан кусок величинной с шиллинговую монету. Я оказал охотнику простейшую первую помощь и стал расспрашивать, что за животное его укусило.

– Откуда пришла эта добыча?

– Вон из та дырка, сэр, – ответил раненый и указал на глубокую щель у подножия высокой скалы.

– А ты не знаешь, как называется эта добыча?

– Нет, сэр, – огорченно сказал раненый. – Я ее не видеть. Я приходил сюда на этот место и увидеть дырка. Я и подумать: там, в такой дырка, бывать добыча; и сунул рука. Он меня и укусить.

Я обернулся к остальным охотникам.

– Вот! – сказал я. – Этот человек не знает страха. Он не заглянул сначала в нору. Взял да и сунул туда руку, добыча его и укусила.

Охотники захихикали. Я опять повернулся к раненому:

– Стало быть, ты сунул руку в нору, не так ли? Но ведь в таких местах можно наткнуться и на змею, верно? А если тебя укусит змея, что ты будешь делать?

– Я не знаю, маса, – сказал он и ухмыльнулся.

– Друг мой, мне совсем не нужен мертвый охотник, так что ты уж больше не делай таких глупостей, понял?

– Понял, сэр.

– Вот и хорошо. Теперь давай поглядим, что за опасная добыча тебя укусила.

Я достал из мешка факел, согнулся в три погибели и заглянул в нору. В свете факела сначала блеснули глазки, налитые кровью, потом возникла острая, рыжеватая мордочка: зверек злобно, пронзительно взвизгнул и исчез во мраке и глубине норы.

– Ага! – воскликнул один из охотников, услышав визг. – Это буш дог. Очень сильно свирепый добыча.

К сожалению, названием «буш дог» – лесная собака – в этих краях обозначают без разбору самых разных мелких млекопитающих, из них лишь немногие хотя бы отдаленно сродни собакам, и потому разъяснение охотника ничуть меня не просветило – я так и не понял, что это был за зверь. Мы немного посоветовались и решили, что есть только один верный способ

заставить зверька выйти из норы: надо развести костер у самого входа и нагнать туда дыму, размахивая пучком листьев. Так мы и сделали, но сначала развесили над входом небольшую сеть. Не успел первый клуб дыма заползти в каменную щель, как зверек выскочил оттуда прямо в сеть и с такой силой, что сеть сорвалась со своих креплений и зверек вместе с ней покатился вниз по склону в высокую траву. Собаки с оглушительным лаем кинулись вдогонку, а следом помчались и мы, выкрикивая всяческие угрозы собакам, чтобы они не смели трогать беглеца. Однако очень скоро выяснилось, что зверек отлично мог сам постоять за себя и вовсе не нуждался в нашей помощи.

Он стряхнул с себя сеть, встал на задние лапы, и тут мы разобрали, что перед нами карликовая мангуста, изящный рыжеватый зверек величиной с горностая. Она так и осталась стоять, слегка покачиваясь из стороны в сторону, широко раскрыв рот, и издавала такие громкие, пронзительные крики, каких я в жизни не слышал от такого маленького зверька. Собаки разом остановились и в оцепенении глядели на мангусту, а та все раскачивалась перед ними и визжала. Один пес, посмелее остальных, осторожно двинулся вперед и хотел обнюхать это странное существо, но мангуста, видно, только того и ждала: она упала плашмя в траву, ползком скользнула вперед, извиваясь, как змея, потом исчезла среди высоких стеблей – и вдруг опять появилась прямо под ногами у всей своры.

Тут она завертелась волчком, оглушая нас неумолчным визгом, и при этом впивалась зубами в каждую ногу или лапу, что попадалась ей на глаза. Собаки всячески пытались увернуться от ее острых зубов, но это было нелегко, ведь в траве мангуста подбиралась к ним незаметно, и собакам оставалось только подпрыгивать высоко в воздух.

И вдруг мужество им изменило, они все разом повернулись и позорно кинулись удирать вверх по холму, а мангуста так и осталась стоять на задних лапах одна на поле брани; она уже слегка задыхалась, но все еще выкрикивала язвительные насмешки вслед удалявшимся хвостам.

Так свора была побеждена, теперь нам предстояло самим постараться взять в плен этого маленького, но свирепого противника. Это удалось много легче, чем я предполагал: я привлек внимание мангусты, замахав у нее перед носом брезентовым мешком, она набросилась на него, как на врага, и принялась с ожесточением его кусать, а тем временем один из охотников подкрался сзади и набросил на нее сеть. Пока мы выпутывали мангусту из сети и водворяли в мешок, она совершенно оглушила нас своими яростными воплями и не переставала визжать весь обратный путь домой; по счастью, толстый брезент хоть немного приглушил этот визг. Мангуста умолкла, только когда, уже в Бафуте, я вытряхнул ее из мешка в большую клетку и бросил туда окровавленную голову цыпленка. Пленница тотчас же с философской рассудительностью принялась за еду и вскоре съела все до крошки. После этого мангуста хранила молчание и, только если на глаза ей попадался кто-либо из нас, бросалась к прутьям клетки и снова начинала отчаянно браниться. Нам это под конец до того надоело, что мне пришлось завесить клетку спереди куском мешковины – пускай посидит так, пока не привыкнет к человеческому обществу. Три дня спустя я услышал с дороги знакомые крики и задолго до того, как вдали показался охотник, понял, что мне несут еще одну карликовую мангусту. Я очень обрадовался, что это была молодая самка, и посадил ее в ту же клетку, где сидела первая мангуста. И напрасно: они немедленно завизжали в два голоса, стараясь перекричать друг друга, и

этот дуэт был примерно столь же приятен и успокоителен, как скрип ножа по тарелке, да еще усиленный в несколько тысяч раз.

Возвратясь в Бафут после моего первого дня охоты с Гончими, я получил послание от Фона: он приглашал меня к себе выпить и рассказать все новости об охоте. Я пообедал, переоделся и зашагал через просторный двор на маленькую виллу Фона. Он восседал на веранде, разглядывая на свет бутылку джина: много ли в ней еще осталось.

– А, друг мой, – сказал он. – Ты приходил? Ты хорошо поохотиться?

– Да, – ответил я, усаживаясь на предложенный стул. – Охотники Бафута умеют ловить славную добычу. Мы поймали целых три.

– Отлично, отлично, – сказал Фон, налил полный стакан джина и подал мне. – Ты будешь пожить здесь мало время и поймать много-много добыча. Я рассказать все мои люди.

– Да, хорошо. Я думаю, люди Бафута умеют ловить добычу лучше всех в Камеруне.

– Да, верно, верно, – с удовольствием подтвердил Фон. – Ты говорить верно, друг мой.

Мы подняли стаканы, чокнулись, широко улыбнулись друг другу и выпили. Фон опять наполнил стаканы, потом послал кого-то из своей многочисленной свиты за новой бутылкой. Когда мы добрались почти до дна второй бутылки, оба мы порядком разнежились и Фон повернулся ко мне.

– Ты любить музыка? – осведомился он.

– Да, очень, – чистосердечно ответил я, потому что слышал, будто у Фона есть весьма недурной оркестр.

– Хорошо! Тогда будет музыка, – сказал он и отрывисто что-то приказал одному из слуг.

Вскоре во дворе под верандой появился оркестр. К моему удивлению, он состоял примерно из двух десятков жен Фона, почти совершенно голых, если не считать узеньких набедренных повязок. Жены были вооружены множеством самых разных барабанов, начиная от крохотного, величиной с маленькую кастрюльку, и до огромных, пузатых инструментов, такие одному человеку и не поднять; были там еще и деревянные, и бамбуковые флейты с необыкновенно нежными голосами, и большие бамбуковые коробки, наполненные сушеными зернами маиса, – когда их трясли, слышался какой-то не то шелест, не то треск. Но самым удивительным инструментом в этом оркестре мне показалась деревянная труба футов четырех длиной. Ее держали стоймя, уперев одним концом в землю, и дули в нее особенным образом, извлекающая густой, низкий, дрожащий звук, который немало вас изумлял, – никто бы не подумал, что подобное может донестись откуда-то еще, кроме как из уборной, да и то лишь если там редкостная акустика.

Оркестр начал играть, и вскоре множество домочадцев Фона тут же, во дворе, пустились в пляс. Это было нечто среднее между бальным и народным танцем. Пары, обхватив друг друга, медленно кружились, их ноги переступали крошечными шажками, выделявая при этом довольно сложные па, а тела раскачивались и извивались в таких движениях, какие не счел бы позволительными ни один дансинг. Время от времени какая-нибудь пара разделялась, и каждый кружился и раскачивался сам по себе, весь во власти музыки, выделявая свои собственные па. Флейты чирикали и попискивали, барабаны стучали и грохотали, погремушки с маисовыми зернами трещали и шелестели мерно, однообразно, подобно волнам, что ворошат мелкие камешки, и за всем этим хаосом звуков неумолчно, глухо гудела огромная труба, и каждые несколько секунд так размеренно, точно это билось огромное сердце, гудение обрывалось громким ревом.

– Тебе нравится мой музыка? – закричал Фон.

– Да, очень хорошая, – проревел я в ответ.

– А в твой страна есть такой музыка?

– Нет, – сказал я с искренним сожалением, – у нас такой нет.

Фон еще раз наполнил мой стакан.

– Скоро, когда мой народ принесет трава, у нас будет много музыка, много танцы, а? У нас будет веселый время, мы все будем сильно веселы, да?

– Да, конечно. Мы отлично повеселимся.

А оркестр под верандой все играл, ритмичный бой и рокот барабанов, казалось, взмывали в темное небо, и даже звезды начинали подрагивать и приплясывать под их четкий ритм.

III

Гудящая белка

Когда я охотился в Бафуте, мне особенно хотелось заполучить двух представителей фауны травянистых степей: скалистого дамана и так называемую белку Стейнджера. Но водятся они в совсем несхожих местностях, и два похода за ними запомнились мне, кажется, живей и ярче всех других эпизодов моей охоты на равнинах Камеруна.

Сначала мы отправились за белкой. Эта охота была примечательна тем, что мне удалось составить план похода заранее и осуществить его вполне успешно, не пришлось в последнюю минуту наткаться на какие-то непредвиденные помехи. Белка Стейнджера – довольно распространённое животное в Камеруне, но прежде я охотился за ней в глухих девственных лесах в бассейне реки Мамфе. В такой местности зверек почти все время сидит на верхних ветках самых высоких деревьев (и питается всевозможными плодами, в изобилии растущими на этих солнечных высотах), а на землю и вообще вниз спускается очень редко. Поэтому поймать там белку почти невозможно. Однако уже потом я узнал, что на равнинах белки частенько посещают небольшие рощицы по берегам реки и проводят довольно много времени на земле, рыская в траве в поисках пищи. И я решил, что здесь будет легче ее поймать. Когда я показал изображение этой белки Гончим Бафута, они тотчас ее узнали и громогласно объявили, что знают, где ее искать. Я основательно их расспросил и убедился, что они и в самом деле хорошо знают повадки этого зверька, так как нередко на него охотились.

Оказалось, белки Стейнджера живут в небольшом горном лесу, но на рассвете или под вечер спускаются с деревьев и, набравшись храбрости, отправляются в луга кормиться. Вот тогда-то и надо их ловить, сказали Гончие Бафута.

– А что же эти белки делают ночью? – спросил я.

– Ох, маса, ночью его не поймать! – был ответ. – Этот добыча, он спит на большой дереве, высоко, человек туда не залезть. А вот когда вечер или рано-рано утро, тогда мы их поймать.

– Хорошо, – сказал я. – Будем ловить ее рано-рано утром.

Мы вышли из Бафута в час ночи и после долгого, нудного перехода по холмам, по долинам и лугам, за час до рассвета пришли наконец на место. Это было небольшое плоскогорье, лежащее на полпути к вершине горы, на крутом ее склоне. Местность тут была сравнительно ровная, ее, журча, пересекала довольно широкая мелкая речушка, обрамленная по берегам узкими каемками густого леса. Мы съезжились у подветренной стороны большой скалы и начали вглядываться в туман, утирая лица, мокрые от росы; там мы осмотрелись и составили план охоты. Решено было расставить две-три сети в высокой траве, ярдах в пятистах от кромки деревьев. И делать это следовало без промедления, пока не рассветло, не то белки нас заметят.

Расставлять сети в высокой, по пояс, траве, когда она насквозь пропитана росой, – не слишком приятное занятие, и мы были счастливы, когда закрепили наконец последнюю. Потом осторожно подобрался к лесу и заполз в высокий кустарник, подальше от посторонних взоров. Здесь мы уселись на корточки, стараясь не стучать зубами от холода; нельзя было ни курить, ни разговаривать, ни хотя бы пошевелиться, и мы молча смотрели, как бледнеет небо на востоке, – ночная темнота словно по каплям вытекала из него. Постепенно небо стало бледно-серым, с каким-то жемчужным отливом, потом порозовело – и вдруг взойшло солнце, небо налилось ослепительной лазурью, яркой, точно перо зимородка. В этом чистом и нежном свете стали видны горы вокруг, окутанные низко стелющимся туманом; солнце поднималось все выше – и туман заколыхался, начал сползать по откосам гор, стекая в долины. Всего лишь миг назад равнины перед нами спали мирным сном под покровом тумана, и вот горы точно пробуждаются ото сна, зевают и потягиваются под белым своим покрывалом, там сбрасывают его, здесь укутываются плотнее и наконец, сонные, росистые, поднимаются из глубин своей

белой постели. Позднее я много раз смотрел, как просыпаются горы, и никогда не мог наглядеться досыта. Если вспомнить, что одно и то же происходит каждое утро с тех незапамятных времен, когда древние горы эти возникли на Земле, только диву даешься, каким новым и свежим кажется всякий раз это зрелище! Оно никогда не бывает скучным, обыденным; в нем всегда новизна. Иногда туман, поднимаясь, свивается причудливыми клубами, и возникают сказочные звери: чудовищные ящеры, фениксы, крылатые драконы, молочно-белые единороги; а порой пряди тумана вытягиваются и колеблются, точно странные ползучие стебли водорослей, встают, как деревья или огромные взъерошенные кусты, сплошь в белых цветах; порой подует ветерок и придаст туману уж совсем поразительные формы, вычертит строгие, сложные геометрические фигуры. И все время он скользит, перемещается, а под ним дразняще мелькают горы, поблескивают богатой гаммой мягких красок, таких нежных, воздушных и неуловимых, что описать их просто не хватает слов.

«Да, – подумал я, сидя на корточках под кустом и глядя сквозь ветви, как пробуждаются горы, – стоило так устать, продрогнуть и проголодаться, стоило промокнуть до нитки от росы и маяться, потому что до судорог свело руки и ноги, ради того чтобы все это увидеть». И тут мои мысли прервало громкое, воинственное «чак! чак!». Оно раздавалось в ветвях деревьев над нами; один из охотников схватил меня за руку, глаза у него блестели. Он осторожно наклонился и прошептал мне в самое ухо:

– Маса, здесь тот самый добыча, какой маса хочет. Мы сидеть тихо-тихо, и он через мало время сойти вниз на землю.

Я отер с лица росу и начал вглядываться в гущу трав, где мы расставили сети. Вскоре откуда-то из глубины леса донеслось еще «чак! чак!». Это проснулись и другие белки и подозрительным взглядом встречали наступающий день. Мы ждали, как нам показалось, ужасно долго, и вдруг я увидел, что на лугу между нами и сетями что-то движется – что-то очень странное. На первый взгляд это можно было принять за овальный черно-белый полосатый мяч, который опять и опять подскакивал над высокой травой. В туманной утренней дымке я никак не мог понять, что же это такое, и молча ткнул пальцем, указывая охотникам на движущийся мяч.

– Тот самый добыча, маса, – сказал кто-то.

– Спускался на землю, уже спускался! – ликуя, подхватил другой.

– А что же это такое? – шепотом спросил я: странный шарообразный предмет никак не напоминал строение тела белки.

– А вот же, это хвост, сэр, – объяснил один из охотников и, чтобы окончательно рассеять мои сомнения, прибавил: – У него сзади растет.

Любой фокус, если его объяснить, тотчас становится очевидным. Теперь я ясно видел, что это черно-белое, полосатое – и в самом деле беличий хвост, и сам себе подивился: с чего это я взял, будто он похож на мяч? Вскоре к этому хвосту в траве присоединились и другие, а когда поднялся и рассеялся туман, мы увидели и самих белок.

Их было восемь, они скачками перебирались из леса на луг. Это были крупные, довольно плотные и головастые зверьки, но самой крупной, самой заметной частью тела у них были хвосты. Белки осторожно перепрыгивали с кочки на кочку; иногда они останавливались, присаживались на задние лапки и старательно нюхали воздух – чем пахнет там, в той стороне, куда они направляются. Потом опять опускались на все четыре лапки и прыгали еще несколько ярдов, помахивая хвостами. А то вдруг садут и на несколько секунд замрут, аккуратно заложив хвост на спину, так что пушистый кончик его свисает книзу на лоб и чуть ли не закрывает мордочку. Те, что уже выскочили на луг, молчали, но зато с деревьев позади нас порой снова доносилось подозрительное «чак!» – иные зверьки еще не собрались с духом спуститься. Я решил, что для охоты вполне хватит и восьми – которую-нибудь да поймаем, – и подал знак охотникам;

мы поднялись из засады, растянулись в цепочку между деревьями, и охотники остановились, ожидая сигнала к наступлению.

Белки ушли уже ярдов за сто пятьдесят от опушки леса. Достаточно, решил я, помахал рукой, и мы вышли из нашего укрытия за деревьями в высокую траву. Белки, оставшиеся в лесу, громко, тревожно закричали, а те, что были на лугу, поднялись на задние лапки – поглядеть, что происходит. Увидели нас и замерли; тут мы медленно двинулись вперед, и они сразу запрыгали в траве, все дальше и дальше от деревьев. По-моему, они толком не поняли, что мы такое, – ведь продвигались мы очень осторожно, старались не делать ни одного лишнего движения. Белки чуяли опасность, но не знали, насколько она велика, поэтому они отбегали на несколько ярдов, потом останавливались, чтобы разглядеть нас хорошенько, и шумно втягивали ноздрями воздух. Вот тут-то и была самая уязвимая часть нашего плана: белки еще не вошли в полукруг сетей, и если бы они взяли вправо или влево, то с легкостью удрали бы

от нас в луга. Мы осторожно надвигались на них, кругом царил тишина, слышался только шелест влажной травы у нас под ногами да сзади смутно доносились тревожные крики белок, что остались у нас за спиной.

Внезапно одна из белок, видно посмышленной остальных, сообразила, что происходит. Она не могла видеть сетей впереди – они были скрыты в высокой траве и основательно замаскированы, – но поняла, что наше приближение оттесняет ее с собратьями все дальше и дальше от леса, от высоких деревьев, где они могли бы укрыться. Белка издала громкий тревожный крик и кинулась прочь, а длинный хвост словно струился за ней в траве; потом она вдруг вильнула влево и поскакала по траве в сторону от сетей. Она хотела только одного: обойти нас и добраться до деревьев. Остальные белки сразу же сели столбиками и с тревогой следили за ней. Тут я сообразил, что надо немедленно что-то предпринять, иначе все они соберутся с духом и последуют примеру первой. По ранее задуманному плану мы собирались выждать, пока зверьки не углубятся в полукруг сетей, и только тогда кинуться вперед и напугать их, чтобы они очертя голову бросились прямо в сети. Но теперь стало ясно, что надо попытаться и вспугнуть их сейчас же. Я поднял руку, по этому знаку все охотники (и я тоже) с криком и гиканьем рванулись вперед. Мы размахивали руками и всем своим видом старались нагнать побольше страху. Долю секунды белки оцепенело смотрели на нас, потом бросились наутек.

Четыре последовали примеру подруги – кинулись в сторону под прямым углом и таким образом сумели увернуться и от сетей, и от охотников, но остальные три помчались прямо в ловушку. Мы кинулись за ними и сразу увидели, как впереди задергались сети, – значит, белки там застряли! И верно, когда мы подбежали, зверьки уже совсем запутались, они яростно сверкали на нас глазами, оглушительно, угрожающе орали – ничего подобного я в жизни не слышал ни от одной белки. Крики эти совсем не походили на их обычное громкое «чак! чак!». Это было грозное предостережение, нечто среднее между храпом и рычаньем. И все время, пока мы их выпутывали из сетей, они без умолку вопили и яростно вонзали нам в руки крупные оранжевые резцы. Когда мы наконец засунули их в брезентовые мешки, нам пришлось нацепить каждый мешок на конец палки и так нести: белка любого другого вида, когда очутится в темном мешке, лежит смиренно, но эти явно жаждали продолжать борьбу и малейшее прикосновение к мешку встречали яростными попытками укусить и грозными воплями.

Белки в лесу совсем разволновались, меж деревьев эхом отдавалось их неистовое «чак! чак!». Теперь они поняли, какую опасность мы для них представляем, так что не стоило и пытаться поймать еще хоть одну, пришлось довольствоваться теми тремя, которых мы изловили.

Итак, мы свернули сети и другое снаряжение и отправились обратно в Бафут. Там я поместил своих драгоценных белок в три крепкие, выложенные жестью клетки, наполнил кормушки и оставил каждую пленницу в строгом одиночестве – пусть немного придут в себя после такого унижения. Как только мы отошли, белки решились выйти из темноты своих «спален», уничтожили приготовленную для них порцию сочных фруктов, опрокинули блюда с водой, попробовали на зуб жестяную обивку клеток – нельзя ли ее прогрызть – и, убедившись, что это им не под силу, удалились в «спальни» и уснули. Вблизи они оказались очень красивыми зверьками: брюшко и щеки светло-желтые, спинка красновато-коричневая и большущий хвост в поперечных полосках, точно перевязанный ленточками. Правда, впечатление немного портила чересчур большая голова (есть в ней что-то лошадиное, крохотные, тесно прижатые к черепу ушки, и зубы изрядно торчат).

Я где-то читал, что эти белки ранним утром карабкаются на самые верхние ветки деревьев и оглашают лес необычайно сильными и странными криками: это низкое раскатистое гудение точно замирающий гул гигантского колокола. Мне очень хотелось услышать этот крик, но я не думал, что они станут так кричать в неволе. Однако на другое же утро около половины шестого меня разбудил странный звук. Все пойманные зверьки находились на веранде за моим

окном; я сел на кровати и сразу понял, что звук этот идет от клеток, только не мог разобрать, от каких именно. Я надел халат и осторожно выскользнул из комнаты. Тут, в туманном предутреннем свете, продрогший и еще не совсем проснувшийся, я терпеливо ждал, не повторится ли удивительный звук. Через несколько минут он повторился, и теперь стало ясно – он идет от клеток с белками. Описать его необыкновенно трудно; он начинался подобно стону, постепенно набирал силу, и в нем появлялась какая-то вибрирующая дрожь – примерно так гудят и вибрируют телеграфные провода... Он колебался, точно сейчас заглохнет, потом, как будто кто-то совсем легонько ударял в гонг, резко усиливался и снова понемногу замирал. Видно, белки не очень старались, в лесу они вложили бы в свое «пение» побольше души – там, в предрассветном тумане, меж ветвями деревьев, оно, уж наверно, звучит таинственно и чарующе.

В тот вечер, как обычно, ко мне явился Фон; стал расспрашивать, успешно ли мы нынче охотились, и преподнес мне калebas свежего пальмового вина. Ужасно гордый, я показал ему белок и подробно рассказал, как мы их ловили. Фон непременно захотел узнать, в каком именно месте их поймали, но я плохо разбирался в окрестностях Бафута, и мне пришлось призвать на помощь одного из охотников, который в это время развлекался на кухне. Тот пришел и остановился перед Фоном; на вопросы он отвечал, прикрыв рот сложенными лодочкой руками. Времени на объяснения понадобилось немало: там, где мы охотились, нет ни одной деревни, вообще нет никакого жилья, и охотник мог ссылаться только на такие приметы, как формы скал, деревья, необычные очертания холмов. Наконец Фон оживленно закивал и на несколько минут погрузился в раздумье. А потом стал быстро говорить что-то охотнику, широко размахивая своими длинными руками, охотник же кивал и низко кланялся. Затем Фон с милостивой улыбкой повернулся ко мне и небрежно, почти рассеянно протянул мне свой пустой стакан.

– Я велеть этот человек, – объяснил он мне, словно бы равнодушным взглядом следя, как я наливаю ему вино, – чтобы он отвел тебя в один особенный место в горы. Там ты найти особенный добыча.

– Какая же там добыча? – спросил я.

– Добыча, – неопределенно повторил Фон и повел в воздухе уже наполовину опустевшим стаканом. – Особенный добыча. У тебя такой еще не был.

– А это не опасная добыча? – спросил я.

Фон поставил стакан на стол и показал ее размер огромными руками.

– Вон такой большой, – сказал он. – Не так сильно опасный, но много кусаться. Он живет на тот большой-большой скала, он ходить под этот скала. Бывает, кричит много, вот так: «Уииииииии!»

Я сидел и терялся в догадках – что бы это могло быть, а Фон с надеждой смотрел мне в лицо.

– Совсем похож на траворезка, только хвост нет, – сказал он наконец, пытаюсь мне помочь.

Меня вдруг осенило, я пошел за нужной книгой, отыскал там картинку и показал Фону.

– Это она? – спросил я.

– А! Да, да, – обрадовался Фон и погладил своими длинными пальцами изображение скалистого дамана. – Тот самый добыча. Как ты его называть?

– Скалистый даман.

– Скалистый даман?

– Да. А как вы называете его здесь, в Бафуте?

– Здесь мы звать его н'иир.

Я записал это слово в список местных названий зверей, который составлял, и вновь наполнил стакан Фона.

А тот все еще как зачарованный любовался изображением дамана и обводил его тонким пальцем.

– Ф-фа! – мечтательно вздохнул он наконец. – Очень вкусный жареное этот добыча. Мы его готовить со сладкий картофель...

Голос его замер, и, охваченный воспоминаниями, он облизнул губы.

Охотник уставился на меня и переступил с ноги на ногу – он явно хотел что-то сказать.

– Ты что хотел?

– Маса хочет идти тот место, про который Фон говорить?

– Да. Мы пойдем завтра же утром.

– Да, сэр. Чтобы поймать этот добыча, надо много-много люди, маса. Этот добыча, он сильно быстро бегать.

– Ну что ж, пойдти скажи всем, что мы завтра идем на охоту.

– Да, сэр.

Но он все стоял и переминался с ноги на ногу.

– Ну что тебе?

– Маса, я еще нужный?

– Нет, мой друг. Иди назад в кухню и допивай свое вино.

– Спасибо, сэр, – сказал он, широко улыбнулся и исчез в полумраке веранды.

Скоро Фон собрался уходить, и я проводил его до дороги. В конце двора мы остановились, и он улыбнулся мне с высоты своего огромного роста.

– Я уже старый, – сказал он. – Я очень много уставать. Если я не был старый, я пойти с тобой на охота завтра.

– Неправда, друг мой. Ты совсем не старый. Ты очень сильный. У тебя еще много силы, больше, чем у твоих лучших охотников.

Он усмехнулся, потом вздохнул.

– Нет, мой друг, ты сам говорить неправда. Мой время прошло. Я очень много уставать. Я иметь много жены, от них очень много уставать. Всегда дело, всегда заботы с один человек, с другой человек, и я очень много уставать. Бафут – большой место, много люди. Когда много люди – много забота.

– Что верно, то верно. Я знаю, хлопот у тебя много.

– Правда, – сказал он, и тут глаза его озорно блеснули. – Бывает, я иметь хлопоты с полицейский чиновник, вот тогда я совсем-совсем много уставать.

Он пожал мне руку и, посмеиваясь, двинулся через двор к себе.

На следующее утро мы отправились на охоту за даманом – я, четверо Гончих Бафута и пятеро домочадцев Фона. Первые две-три мили наш путь лежал через возделанные поля и мелкие фермы. Пологие склоны холмов были все перекопаны, жирная красная земля сверкала в лучах утреннего солнца. Кое-где поля были уже засеяны и посевы созрели; мы видели пушистые кусты маниоки, ряды маиса, где каждый золотистый початок машет на ветру светлой кисточкой тончайших шелковых нитей. На иных полях работали женщины, обнаженные до пояса, они разрыхляли землю широкими мотыгами с короткой ручкой. У некоторых на спине привязаны были крохотные младенцы, но они, казалось, и не замечали этого привычного груза: так горбун со временем перестает замечать свой горб. Те, кто постарше, курили длинные черные трубки, и, когда они наклонялись, густые клубы серого едкого дыма обдавали им лицо. Самая трудная работа выпала здесь на долю молодых; они вскидывали неуклюжую, тяжелую мотыгу высоко над головой и с размаху вонзали ее в землю; блестящие от пота, гибкие тела мерно раскачивались в лучах солнца. Всякий раз, как мотыга входила в красную землю, женщины громко ухали от натуги.

Мы шли через поля между женщинами, и они высокими, пронзительными голосами окликали нас, шутили, громко хохотали, ни на миг не прекращая работы и не сбиваясь с ритма. Разговор звучал очень странно, так как то и дело прерывался громким уханьем.

– Доброе утро, маса... ух!.. куда собратсья?.. ух!

- Маса собратся на охота... ух!.. ведь правда, маса?.. ух!..
- Маса поймать много добыча... ух!.. маса иметь много сила... ух!..
- Иди быстро, маса... ух!.. поймать добыча много!.. ух!..

И еще долго, когда мы давно миновали поля и уже взбирались на золотистые склоны холмов, до нас доносились их болтовня, смех и мерные удары мотыг, вгрызающихся в землю.

Наконец мы добрались до гребня самой высокой гряды холмов, окружающих Бафут, и тут охотники показали мне место предстоящей охоты: горная цепь, лиловая, затянутая дымкой, возникла где-то в недостижимой дали. Домочадцы Фона заохали, застонали в изумлении и отчаянии – неужели я заставлю их идти в такую даль? А Джейкоб, повар, напрямик заявил, что он все равно не сможет туда дойти: он, к сожалению, занозил ногу. При ближайшем рассмотрении оказалось, что никакой занозы у него нет, а просто в башмак попал маленький камешек. Когда это обнаружилось и камешек из башмака выбросили, повар сильно расстроился и помрачнел; он тащился позади всех и свирепо бормотал что-то себе под нос. К моему удивлению, расстояние оказалось обманчивым, не прошло и трех часов, как мы уже шагали по длинной, извилистой долине, в конце которой поднималась стена сверкающего золота и зелени, – это и была наша цель. Пока мы, по пояс в высокой траве, с трудом взбирались вверх по склону, охотники рассказали мне свой план действий. Я понял, что нам предстоит обойти гладкий выступ горной цепи, – там, между этим выступом и следующим, тянется глубокая долина, одним своим концом она врезается далеко, в самое сердце гор. Долину эту обрамляют почти отвесные скалы, а у их подножия среди камней живет даман.

Мы с трудом обогнули огромный острый выступ горы, и тут перед нами открылась долина – тихая, отрешенная, наполненная сверкающим солнечным светом, озарявшим суровые отроги по обе ее стороны, словно ниспадали складками два серых каменных занавеса, расцвеченные розовым, разукрашенные золотыми солнечными бликами и мягкими голубыми тенями. У подножия скал громоздилось наследие несчетных камнепадов и горных обвалов – хаос глыб всех форм и размеров; иные раскатились по неровному руслу долины, иные громоздятся друг на друга, будто из них на скорую руку возведены высоченные дымовые трубы – вот-вот обвалятся! На этих утесах и вокруг них стелется, колышется на ветру зеленый ковер: кусты, высокие травы, согбенные, скрюченные, похожие на хитрых колдунов деревья, мелкие орхидеи, высокие лилии и густая, путаная сеть вьюнков с желтыми, кремовыми и розовыми цветками. На склонах утесов, обращенных к нам, разбросано множество пещер; их отверстия таинственно темнеют, порой узкие – просто щели в камне, порой распахнутые широко, словно двери соборов. По самой середине долины бежит шумливый ручеек – этот бойкий малыш то весело юркнует меж камней, то вновь выскочит оттуда и торопливо скачет водопадами вниз по склону с одного уступа на другой.

В устье долины мы остановились отдохнуть и покурить, и я оглядел в бинокль скалы впереди – нет ли там признаков жизни? Но долина казалась мертвой, пустынной; никаких звуков, только самодовольное, потешное журчание крохотного ручейка, да ветер вкрадчиво посвистывает и перешептывается с травой. В вышине появился небольшой сокол, минуту повисел недвижно в нежно-голубом небе и скрылся из виду за иззубренным краем утеса. Джейкоб стоял и разглядывал долину, на его толстой физиономии появилось мрачное выражение.

- Что такое, Джейкоб? – невинно спросил я. – Ты уже заметил добычу?
- Нет, сэр, – ответил тот и сердито уставился в землю.
- Тебе тут не нравится?
- Да, сэр, не нравится.
- Что ж так?
- Это плохой место, сэр.
- Почему же плохое?
- Э! Бывает такой место заколдованный, худо будет, маса.

Я оглянулся на Гончих Бафута, которые лежали в траве.

– Здесь место заколдованное? Вам тут было худо? – спросил я их.

– Нет, сэр, никогда, – дружно отозвались они.

– Вот видишь, – сказал я Джейкобу. – Нет тут никакого колдовства, и бояться нечего, понял?

– Да, сэр, – ответил Джейкоб, ничуть не убежденный.

– А если ты поймашь для меня эту добычу, я тебе хорошо заплачу, – продолжал я.

Джейкоб заметно оживился.

– Маса давать мне такой же плата, как охотникам? – спросил он с надеждой.

– Да, конечно.

Джейкоб вздохнул и задумчиво поскреб себе живот.

– Что, все еще боишься, что здесь тебя заколдуют?

– Э! – возразил он, пожав плечами. – Бывает, я тоже ошибся.

– А, Джейкоб! Если маса давать тебе плата, ты убить свой родной мамми, – со смехом сказал один из Гончих; пристрастие Джейкоба к деньгам было хорошо известно всему Бафуту.

– Ха! – сердито воскликнул Джейкоб. – А ты не любить деньги, нет? Зачем ты приходил на охота с маса, если ты не любить деньги, а?

– Это мой работа, – сказал охотник и пояснил, чтобы не осталось никаких сомнений: – Я – Гончая Бафута.

Джейкоб еще не успел придумать достойный ответ, как другой охотник поднял руку.

– Слушай, маса! – взволнованно сказал он.

Все замолчали, и тут до нас долетел из долины странный крик: сперва раз за разом, с короткими промежутками раздавался переливчатый свист... и вдруг он перешел в протяжный вой, который зловещим эхом отдавался в каменистых стенах долины.

– Это н'иир, маса, – зашептали охотники. – Он воет вон там, на большой утес.

Я навел бинокль на беспорядочное нагромождение камней, куда указывали охотники, но не сразу заметил дамана. Он сидел на скалистом выступе и надменно оглядывал долину. Величиной он был с большого кролика, но лапы короткие, толстые, морда притупленная, точно у льва. Уши маленькие, аккуратные, хвоста как будто вовсе нет. Минуту-другую я его разглядывал, потом он повернулся на узком уступе, взбежал на самый верх скалы, там постоял мгновение, определяя расстояние, легко перепрыгнул на соседнюю грудку камней и исчез в зарослях вьюнка – за ними, верно, скрывалась какая-то нора. Я опустил бинокль и взглянул на охотников.

– Ну? – спросил я. – Как же нам его поймать?

Они быстро обменялись мнениями на своем языке, потом один повернулся ко мне.

– Маса, этот добыча, он очень много умный, – сказал охотник, скривив лицо, и почесал в затылке. – Сеть мы его никак не поймать, он все равно убежать мимо люди.

– Как же нам поступить, друг мой?

– Мы найти нору в гора, сэр, и мы сделать костер и много дым; мы положить сеть перед нора, и как он побежать, мы его хватай.

– Хорошо, – согласился я. – Пошли, пора.

Мы двинулись по долине. Впереди шел Джейкоб, теперь лицо его выражало мрачную решимость. Мы пробрались сквозь густые дебри низкого кустарника и наконец достигли первой груды камней, нагроможденных друг на друга так несуразно, что, казалось, они того и гляди рухнут. Здесь мы рассыпались во все стороны, как терьеры, и чуть не ползком двинулись в обход скалы, заглядывая в каждую щель – нет ли там кого-нибудь. Как ни странно, первому повезло Джейкобу; он высунул голову из чащи кустов и позвал меня, его потное лицо так и сияло.

– Маса, я найти нора. И добыча сидеть там, внутри, – радостно объявил он.

Мы столпились вокруг норы и прислушались. Да, конечно, там есть какое-то живое существо: до нас доносились слабые шорохи, словно зверек царапал лапами землю. Мы поспешно разложили костер из сухой травы у самого входа в нору и, когда он как следует разгорелся, покрыли огонь зелеными листьями: мгновенно к небу поднялся столб густого, едкого дыма. Мы развесили над входом в нору сеть и большими пучками листьев погнали дым вглубь. Мы усердно махали листьями, нагоняя дым в темную щель; он, клубясь, уходил в глубину, и вдруг все понеслось с головокружительной быстротой. Из норы вылетели два детеныша дамана, каждый величиной с морскую свинку, с разлету ударились в сеть с такой силой, что сорвали ее с креплений и, все больше в ней запутываясь, покатались в кусты. Следом выскочила мать, довольно крупная и дородная зверюга, вне себя от ярости. Она выбежала из норы и тотчас бросилась на ближайшего к ней человека – это оказался один из охотников; даман мчался с такой быстротой, что охотник не успел уклониться: самка вцепилась зубами ему в ногу и повисла на ней, как бульдог, издавая носом громкое, устрашающее «уииии!». Охотник опрокинулся на плотный ковер вьюнка и лежал там, отчаянно брыкаясь и воя от боли.

Остальные Гончие Бафута тем временем старались выпутать из сети детенышей, но это оказалось не так-то просто. Домочадцы Фона разбежались сразу же, едва на сцене появилась разгневанная мамаша, так что выручать охотника, который дергался в кустах и орал благим матом, пришлось нам с Джейкобом. Однако я еще не успел ничего придумать, как вдруг Джейкоб словно очнулся от спячки. На сей раз события не застали его врасплох. Боюсь, правда, что его поступок был продиктован вовсе не сочувствием к страданиям товарища; должно быть, он понял: надо поскорей что-то делать, не то зверек убежит, и тогда ему, Джейкобу, не видать обещанных денег как своих ушей. Джейкоб схватил брезентовый мешок побольше и метнулся мимо меня – я никак не ожидал от него, всегда сонного и медлительного, такой прыти. Не успел я и глазом моргнуть, как он уже схватил ногу злосчастного охотника и запихнул ее в

мешок вместе с висящим на ней даманом. Потом туго затянул отверстие мешка и с довольной улыбкой обернулся ко мне.

– Маса! – завопил он, стараясь перекричать охотника, который орал теперь уже не только от боли, но и от негодования. – Я его поймать!

Однако он слишком рано торжествовал победу: не в силах больше терпеть, охотник поднялся из зарослей вьюнка и с маху ударил Джейкоба по курчавому затылку. Джейкоб взревел от боли и обиды и покатился вниз по склону, а охотник тем временем встал на ноги, отчаянно пытаясь освободиться от дамана и от мешка. Как ни прискорбно, должен признаться, что тут я просто опустился на камень и хохотал до слез, ничего более разумного не пришло мне в голову. Джейкоб тоже поднялся на ноги, выкрикивая угрозы и проклятия, и увидел, что охотник пытается снять с себя мешок.

– А-а-а! – завопил он, прыжками поднимаясь к нам по склону. – Глупый человек, добыча сейчас убежать!

Он обхватил охотника руками, и оба упали навзничь прямо на ковер вьюнка. К этому времени остальные охотники уже посадили детенышей в мешки и могли теперь прийти на выручку товарищу; они оттащили Джейкоба и помогли охотнику снять с ноги мешок. По счастью, даман выпустил из зубов его ногу, когда попал в мешок, и, видимо, так перепугался, что уже не стал больше кусаться, но, конечно, бедняга-охотник порядком намаялся.

Меня все еще душил смех, хоть я и старался изо всех сил скрыть это от окружающих; как мог, я успокоил раненого охотника, отчитал Джейкоба за его поведение и сказал ему, что из-за собственной глупости он получит только половину обещанной платы за поимку зверька, а вторая половина пойдет охотнику – ведь по милости Джейкоба он чуть не лишился ноги. Мое решение все, включая, как ни странно, самого Джейкоба, встретили одобрительными кивками и удовлетворенным хмыканьем. Я давно убедился, что у большинства африканцев в высшей степени развито чувство справедливости и они от души одобряют всякий справедливый приговор, даже если он вынесен против них самих.

Восстановив таким образом порядок и оказав первую помощь раненому, мы двинулись дальше по долине. Мы окурили еще несколько пещер и ям, но безуспешно и наконец без всякого кровопролития загнали и поймали большого самца дамана. Теперь у меня их было целых четыре штуки – мне выпала просто неслыханная удача! И я решил, что пора, пожалуй, возвращаться. Мы вышли из долины, обогнули горный отрог, спустились по отлогим склонам, поросшим золотистой, шелестевшей на ветру травой, и зашагали дальше. Дойдя до местности поровнее, мы остановились покурить и передохнуть; я присел на корточки в теплой траве и оглянулся на горы – оттуда донесся глухой раскат грома. Да, мы и не заметили, что по небу к нам подплыла тяжелая мрачная туча, похожая очертаниями на огромную персидскую кошку, и что она уже растянулась по гребням гор. Под ее тенью зелень и золото гор померкли, перешли в угрюмый темно-лиловый цвет, а долины чернели резкими косыми полосами. Туча двигалась, меняла очертания и то свивалась, то развивалась, словно месила и мяла горную гряду, как кошка мнет лапами гигантское кресло. Временами в этой громаде появлялся разрыв, и тут ее пронизывало острие солнечного луча; чистым золотом освещались горы под ним, трава на их сумрачно-лиловых боках вспыхивала изжелта-зелеными пятнами. С поразительной быстротой туча становилась все темнее, мрачнее, словно бы разбухала, готовясь пролиться дождем. И вот уже там рушатся, падают молнии, будто колкие, зазубренные серебряные сосульки, и горы дрожат от раскатов грома.

– Маса, надо идти скоро-скоро, – сказал один из охотников. – Где-то этот гроза нас догонять.

Мы торопились, чуть не бежали, но все-таки не успели – туча пролилась над вершинами гор и, точно в замедленном прыжке, растянулась по небу позади нас. Поднялся порывистый, холодный ветер, и сейчас же полил дождь, сплошная серебряная завеса; в первые же секунды

мы промокли до нитки. Рыжая земля потемнела и стала скользкой, дождь свистел в траве так громко, что разговаривать было почти невозможно. Когда мы подошли к окраинам Бафута, зубы у нас стучали от холода, а насквозь промокшая одежда леденила тело при каждом шаге. Мы вышли уже на последний участок дороги, и тут дождь понемногу стал стихать, еще побрызгал легким душем, а потом и вовсе перестал; с промокнувшей земли поднялся белый туман и разбилась о наши ноги, как огромная волна во время отлива.

IV Монарх и конга

Наконец настал великий день торжественной церемонии сбора травы. Я проснулся перед зарей, когда звезды только еще начали редеть и меркнуть, когда даже самые молодые и восторженные деревенские петушки еще не пробовали свой голос; меня разбудил рокот маленьких барабанчиков, смех, громкий говор и мягкое шарканье босых ног по пыльной дороге вниз, перед домом. Я лежал и прислушивался ко всем этим звукам до тех пор, пока пробуждающийся день не окрасил небо за окном в нежно-зеленоватый цвет; тут я встал и вышел на веранду посмотреть, что происходит.

В туманном утреннем свете сгрудившиеся вокруг Бафута горы светились розовато-лиловым и серым, там и сям их рассекали беспорядочным узором темные полосы долин; в их глубине еще таилась черная и темно-лиловая тьма. Небо было великолепное – черное на западе, где еще дрожали последние звезды, желтовато-зеленое у меня над головой, а у восточной кромки холмов оно переходило в нежнейшую голубизну, как перо зимородка. Я прислонился к той стене веранды, которую сплошь оплела огромной паутиной бугенвиллея, точно небрежно накинутый плащ из кирпично-красных цветов, и обвел взглядом лестницу из семидесяти пяти ступенек, дорогу вниз и за ней двор Фона. По дороге справа и слева надвигался плотный людской поток; люди смеялись, болтали и время от времени били в маленькие барабанчики. Каждый нес на плече длинный деревянный шест, а к шесту была привязана большая, конусом, связка сухой травы. Рядом бежали ребятишки, они тоже несли на тонких деревьях связки поменьше. Люди проходили мимо арки, ведущей во двор Фона, и сбрасывали свою ношу в кучи под деревьями у обочины дороги. Потом входили во двор под аркой и там останавливались группами, болтая и смеясь; порой флейта и барабан заводили какую-нибудь короткую мелодию, и тотчас из толпы выходили танцоры; они шаркали ногами по земле под рукоплескания и восторженные крики зрителей. Это было веселое, оживленное и добродушное сборище.

К тому времени как я покончил с завтраком, кучи травы под деревьями у дороги вздымались чуть ли не до небес; когда на них падала новая связка, вся куча покачивалась – того и гляди рассыплется; двор был битком забит народом, людям уже не хватало места, и многие остались под аркой и на дороге. В воздухе звенели голоса – те, кто пришел пораньше, здоровались с вновь пришедшими и корили их за леность. Дети с визгом и хохотом гонялись друг за другом, то ныряя в толпу, то выскакивая из нее, а за ними с восторженным твяканьем весело носились стаи тощих, ободранных собак. Я спустился по семидесяти пяти ступенькам на дорогу и присоединился к толпе; мне было очень приятно и лестно, что никто не возражал против моего присутствия, наоборот, многие дружелюбно мне улыбались, а когда я стал со всеми здороваться на привычном им ломаном английском, они заулыбались еще шире и приветливей. Потом я поудобней устроился у дороги, в тени огромного куста гибискуса – он весь был усыпан пунцовыми цветами и гудел роями всевозможной мошкары. Я сидел там, курил и глядел на плывущую мимо праздничную толпу; очень скоро вокруг меня собрались тесным кружком ребятишки и подростки и молча за мной наблюдали. Наконец меня отыскал запыхавшийся Бен; уже давно прошло время обеда, укоризненно сообщил он мне, и все вкусные вещи, что приготовил повар, теперь уже, конечно, никуда не годятся. Я неохотно покинул кружок моих поклонников – все они вежливо встали и пожали мне руку – и поплелся за все еще ворчавшим Беном обратно к дому.

После обеда я снова спустился на свой наблюдательный пункт под гибискусом и продолжал взглядом антрополога изучать обитателей Бафута, которые непрерывным потоком двигались мимо меня. Видимо, в утренние часы я наблюдал тут простой рабочий люд. Как правило, всю одежду простолюдина составлял цветастый саронг, плотно обернутый вокруг бедер; так

же одеты и женщины, впрочем, иные – глубокие старухи – носили одну лишь набедренную повязку из полоски кожи. Я понял, что это и есть их исконное одеяние, а яркий саронг – дань современности, новомодная одежда. Почти у каждой пожилой женщины в зубах трубка, но не короткая, точно обрубок, какие в ходу у равнинных племен, а длинная, с изящным чубуком, напоминающая старинные глиняные трубки, и все эти трубки прокурены дочерна. Вот так выглядел рабочий люд Бафута. После обеда на дороге появились члены совета, мелкие князьки и иные важные и влиятельные лица, и уж этих-то никак нельзя было спутать с обыкновенными тружениками.

Все они были разряжены в длинные, просторные одежды великолепных ярких цветов (одежды эти шелестели и сверкали на ходу), а на головах красовались маленькие, тесно облегающие череп круглые шапочки, расшитые сложным ярким узором, какие я видел уже не раз. Некоторые несли в руках жезлы из какого-то темно-коричневого дерева, покрытые удивительно тонкой ажурной резьбой. Все они были уже пожилые или даже старые люди, явно очень гордились своим высоким положением в обществе, и каждый здоровался со мной весьма торжественно, тряс мне руку и несколько раз выразительно повторял: «Приветствую». Таких аристократов было много, и они придавали всей церемонии удивительную окраску. В пять часов мне пора было возвращаться домой пить чай; по пути я остановился на верхней площадке лестницы и посмотрел вниз, на огромный двор: он был набит битком, так что даже земля лишь изредка мелькала рыжими пятнами там, где веселые танцоры в своих неиссякаемых коленцах отпрыгивали в сторону. В толпе яркими пятнами мелькали цветастые одежды старейшин – будто по клумбе чернозема разбросаны пестрые цветы.

К вечеру я оказался уже в самой гуще толпы и старался сделать несколько снимков, пока еще не совсем стемнело. И тут ко мне вдруг протиснулась живописная фигура. Это был гонец от Фона, его развевающиеся одежды переливались алым, золотым и зеленым, а в руке он сжимал длинный кожаный хлыст. Он сообщил мне, что его прислал Фон и, если я вполне готов, он проводит меня к своему монарху на праздник сбора сухой травы. Я поспешно засунул в фотоаппарат новую пленку и стал пробираться за ним в толпе, с восхищением глядя, как легко он прокладывает себе путь в сплошной человеческой толще. Посланник Фона провел меня по всему огромному двору, вывел через ворота под аркой, потом по узкому проходу мы дошли до других ворот под аркой и наконец очутились в лабиринте крохотных двориков и переходов. Разобраться в них было невозможно, но мой провожатый был тут как рыба в воде: он ловко нырял и скользил в нужные проходы, через дворики, вверх и вниз по маленьким лестничкам, и наконец мы прошли под осыпающейся кирпичной аркой в длинный двор размером с четверть акра, огороженный высокой стеной из красного кирпича. В конце этого двора росло высокое дерево манго, вокруг его гладкого ствола возведен был круглый помост; на помосте стояло большое, обильно украшенное резьбой кресло, а на кресле восседал Фон Бафута.

Наряд его был столь ошеломляюще великолепен, что в первую минуту я его даже не узнал: небесно-голубое, очень красивого оттенка одеяние было расшито удивительными красными, желтыми и белыми узорами. На голове красовалась остроконечная красная фетровая шапочка, на которую нашили множество волосков из слоновьего хвоста. Издали казалось, что на голове у него конусообразный стог сена. В одной руке он держал мухобойку, деревянную ручку ее украшала тончайшая резьба, а сама кисточка – густой шелковистый пучок волос – сделана из длинного черно-белого хвоста гверецы. Но эту весьма внушительную картину несколько портили ноги Фона, которые покоились на огромном, уже пожелтевшем и почерневшем от старости бивне слона: они обуты были в очень остроносые пестрые туфли, из которых выглядывали желто-зеленые носки.

Фон пожал мне руку, задушевно осведомился о моем здоровье. Мне принесли кресло, и я уселся подле него. По сторонам двора разместились всевозможные советники, князьки и их полуголые жены; все они сидели на корточках вдоль кирпичной стены ограды и пили вино из каких-то особенных фляжек: в сущности, это были покрытые резьбой коровьи рога. На фоне красной кирпичной стены разноцветные одежды мужчин казались необычайной красоты гобе-

леном. Слева от кресла Фона высилась груда черных калебасов, заткнутых пучками зеленых листьев; они были наполнены мимбо, или пальмовым вином, – любимым напитком камерунцев.

Одна из жен Фона принесла стакан и мне, потом подняла калебас, вынула затычку и плеснула немножко вина в протянутую ладонь Фона. Тот задумчиво подержал напиток во рту, потом выплюнул и покачал головой. Отведал содержимое еще одного калебаса – с тем же успехом, потом испробовал еще два. Наконец попался калебас, вино в котором Фон нашел достойным себя и меня, и его жена наполнила мой стакан. Мимбо по виду напоминает сильно разбавленное водой молоко, а вкус у него мягкий, чуть кисловатый, как у лимонада, но все это коварнейший обман. По-настоящему хорошее мимбо кажется на вкус таким безобидным, что вводит в соблазн, – пьешь еще и еще и вдруг обнаруживаешь, что это вовсе не такой невинный напиток, как казалось. Я пригубил, причмокнул от удовольствия и поздравил Фона с отличным качеством вина. Я заметил, что все советники и князьки пили из коровьих рогов, заменявших им бокалы, а Фон поглощал вино из рога буйвола, прекрасно отшлифованного и украшенного превосходной резьбой. Мы просидели там до тех пор, пока почти совсем не стемнело, не переставая болтать, а калебасы с мимбо понемногу пустели.

Наконец Фон решил, что настала великая минута – пора угостить всю массу людей, которые сошлись на его зов. Мы встали и пошли по двору между двойными рядами низко кланявшихся подданных Фона; мужчины при этом размеренно били в ладоши, а женщины прикрывали рот ладонями, похлопывали себя по губам и оглашали воздух криками, похожими на гудки сирен, – а я-то по своему невежеству до сих пор полагал, что такие вопли издают только краснокожие индейцы! Мы проходили через всевозможные двери, переходы и крохотные дворики, а вся свита следовала за нами, все так же хлопая в ладоши и гудя. Когда мы вышли из-под арки в главный двор, толпа дружно выразила свое одобрение оглушительным ревом, все стали хлопать в ладоши и бить в барабаны. Под звуки шумных приветствий мы с Фоном прошли вдоль стены к тому месту, куда уже принесли и водрузили на разостланной шкуре леопарда трон Фона. Мы уселись, Фон махнул рукой – и начался пир на весь мир.

Из-под арки потекла нескончаемая процессия молодых людей, совсем обнаженных, если не считать маленькой набедренной повязки; на лоснящихся мускулистых плечах они несли всевозможные угощения для подданных Фона. Тут были калебасы с пальмовым вином и пивом, огромные связки красноватых и золотисто-желтых бананов, туши больших тростниковых крыс, мангуст, летучих мышей, антилоп и обезьян, громадные куски питона – все это основательно прокопченное и насаженное на бамбуковые шесты. Были также сушеная рыба, сушеные креветки и свежие крабы, красный и зеленый перец, плоды манго и папайи, апельсины, ананасы, кокосовые орехи, маниока и сладкий картофель. Пока раздавали всю эту невообразимую массу снеди, Фон приветствовал старейшин, советников и князьков. Каждый подходил к нему, низко склонялся в поклоне и трижды ударял в ладоши. Фон в ответ коротко, царственно кивал, и подошедший, пятясь, удалялся. Если кто-либо хотел обратиться к монарху, он должен был говорить через сложенные лодочкой руки.

К этому времени я проглотил уже изрядное количество мимбо и преисполнился необычайного благодушия; то же самое, видимо, произошло и с Фоном. Он вдруг буркнул какой-то приказ, и, к моему ужасу, рядом с нами появился столик с двумя стаканами и бутылкой джина какой-то французской марки, о которой я прежде не слыхивал и впредь не жажду возобновлять это знакомство. Фон налил в стакан дюйма три джина и подал мне; я улыбнулся и постарался сделать вид, будто изрядная порция неразбавленного джина – именно то, о чем я мечтал. Я осторожно понюхал стакан – пахнет керосином лучшего сорта. Нет, с таким количеством чистого джина мне просто не справиться, и я попросил принести воды. Фон опять что-то рявкнул, и тут же прибежала одна из его жен; в руке она сжимала бутылку горькой настойки.

– Горькая! – гордо объявил Фон и плеснул в мой стакан две чайные ложки. – Ты любишь джин с горькая настойка?

– Да, – сказал я и через силу улыбнулся. – Обожаю джин с горькой настойкой.

Первый же глоток этого пойла едва не прожег мне горло насквозь: в жизни я не пил чистого спирта да еще с таким отвратительным привкусом. Даже Фон, которому, казалось, все было нипочем, после первого глотка как-то странно заморгал. Потом отчаянно закашлялся и повернулся ко мне, утирая слезящиеся глаза.

– Очень крепкое, – заметил он.

Когда принесли наконец всю еду и разложили огромными грудками прямо перед нами, Фон призвал всех к молчанию и произнес перед собравшимися обитателями Бафута краткую речь: он рассказал им, кто я такой, зачем сюда приехал и что мне надо. Под конец он объяснил, что они должны изловить для меня побольше всяких животных. Толпа выслушала эту речь в глубоком молчании, а когда Фон кончил говорить, все захлопали в ладоши и громко закричали нечто вроде «а-а-а!». Фон с довольным видом уселся в свое кресло и в порыве восторга разом отхлебнул полстакана джина с горькой настойкой. За этим опрометчивым поступком последовали пять минут, мучительные не только для него, но и для всех нас: он кашлял и корчился на своем троне, по лицу его ручьями текли слезы. Наконец он немного отдышался и сидел молча, глядя покрасневшими злыми глазами на свой стакан с джином. Потом отпил чуть-чуть, в раздумье подержал напиток во рту и доверительно наклонился ко мне.

– Этот джин, оно сильно крепкий, – хрипло шепнул он. – Мы отдавать этот крепкий питье всем наш маленький-маленький люди, а потом уйти в мой дом и выпить, а?

Я охотно согласился, что отдать джин князькам и советникам – маленьким-маленьким людям, как их называл Фон, – превосходная мысль.

Фон осторожно огляделся – не подслушивает ли нас кто-нибудь, но вокруг толпились всего каких-нибудь пять тысяч человек, и он решил, что совершенно спокойно может открыть мне свой секрет. Поэтому он еще раз наклонился ко мне и снова зашептал:

– Скоро мы идти в мой дом, – в его тоне послышалось неподдельное ликование, – и мы пить виски «Белая лошадь».

Потом откинулся в кресле, чтобы взглянуть, какое впечатление произвели на меня эти слова. Я закатил глаза и изо всех сил постарался сделать вид, что очень счастлив от одной мысли о таком угощении, а сам в ужасе подумал: виски после мимбо и джина – да что же это будет?! А Фон, очень довольный, стал подзывать к себе по одному своих «маленьких-маленьких» людей и выливал остатки джина в их «бокалы» из коровьего рога, еще наполовину полные мимбо. В жизни я не расставался со спиртным так охотно и радостно. Какие же надо иметь луженые желудки, чтобы выдержать и даже смаковать коктейль, составленный из этакого джина с мимбо! При одной мысли о нем меня начинало тошнить.

Осчастливив этой сомнительной милостью своих подчиненных, Фон поднялся на ноги и под рукоплескания, бой барабанов и клики, подобные воинственному кличу краснокожих индейцев, повел меня через путаную сеть переходов и двориков к себе; его собственная вилла затерялась – почти не разглядеть – среди травяных хижин его многочисленных жен, точно спичечная коробка в пчельнике. Мы вошли внутрь и очутились в просторной комнате с низким потолком; тут стояли шезлонги и большой стол, деревянный пол устилали прекрасные леопардовые шкуры и очень яркие, плетенные из травы циновки – изделие местных искусников. Полагая, что он уже исполнил свой долг перед подданными, Фон растянулся в шезлонге.

Принесли «Белую лошадь», мой хозяин с удовольствием почмокал губами, когда раскупорили непечатую бутылку, и дал мне понять, что теперь, после того как скучные государственные обязанности позади, можно начать пить в свое удовольствие. Далее мы добрых два часа непрерывно пили и длинно, во всех подробностях обсуждали, с каким ружьем лучше всего охотиться на слона, из чего делается виски «Белая лошадь», почему я не бываю на обедах в

Букингемском дворце и прочие волнующие темы. После двух часов такого времяпрепровождения ни вопросы Фона, ни мои ответы уже не звучали столь изысканно и связно, как нам бы хотелось, поэтому Фон призвал свой оркестр: видно, он полагал, что сладостная музыка сможет рассеять пагубное действие крепких напитков, но, увы, он ошибся. Музыканты явились во двор и долго пели и плясали за окнами, а Фон тем временем потребовал еще бутылку «Белой лошади» – надо же было отметить прибытие оркестра! Потом музыканты стали полукругом, на середину вышла женщина и принялась танцевать: она раскачивалась, шаркала ногами по земле и при этом пела песню, которая звучала пронзительно и скорбно. Слов я не понимал, но песня была на редкость печальная, и мы с Фоном оба очень расчувствовались.

Под конец Фон утер слезы и резко объявил оркестру, что желает послушать что-нибудь другое. Музыканты долго совещались и наконец разразились какой-то мелодией, в самом подходящем ритме для танца «конга». Музыка была такая живая и веселая, что настроение наше мигом поднялось; очень скоро я уже отбивал такт ногой, а Фон дирижировал оркестром, причем в руке у него все еще был зажат стакан «Белой лошади». Гостеприимство Фона разгорячило меня, да и музыка раззадорила, и в голову мне пришла отличная мысль.

– На днях ты показывал мне ваш национальный танец, верно? – сказал я Фону.

– Да, верно, – подтвердил он, стараясь подавить икоту.

– Ну вот. А хочешь, сегодня я научу тебя танцевать европейский танец?

– Ах, мой друг! – Фон просиял и обнял меня. – Да, да, отлично, учи меня. Пойдем, мы сейчас идти в дом танцев.

Мы шатаясь поднялись на ноги и побрели в его «дансинг». Впрочем, когда мы туда добрались, я увидел, что это усилие – мы прошли с полсотни шагов, а то и больше! – сильно утомило моего спутника: совсем задохнувшись, он сразу рухнул на свой богато разукрашенный трон.

– Иди, сначала научи все маленькие-маленькие люди, – сказал он и замахал руками на толпу князьков и советников. – После и я танцевать тоже.

Я обозрел смущенно переминавшихся с ноги на ногу советников, которых мне предстояло учить, и решил, что самые сложные па конги им сейчас не по силам. По правде говоря, я начинал думать, что сейчас эти па, пожалуй, не по силам и мне самому. Поэтому я решил: лучше удовольствуюсь тем, что покажу им только последнюю, заключительную часть танца, ту, где все танцующие выстраиваются в цепочку один за другим и ходят вокруг зала змейкой, как поведет тот, кто оказался первым. Весь зал замер, когда я предложил двадцати двум советникам подойти ко мне на середину зала, и наступила такая тишина, что слышно было, как шелестят на ходу шелковые одежды государственных мужей. Я установил их всех за мной так, чтобы каждый держался за талию стоящего впереди; потом кивнул оркестру, музыканты с жаром заиграли мелодию в ритме конги – и мы пустились в пляс. Перед тем я очень старательно объяснил моим ученикам, что им надлежит повторять каждое мое движение, и они это неуклонно выполняли. Однако очень скоро я обнаружил, что в винном погребе Фона утонули все мои познания о конге; лишь одно прочно сохранилось в памяти – что в какую-то минуту надо взбрыкнуть ногой, выбросить ее в сторону. И мы пошли кружить по залу; оркестр наяривал вовсю, а мы выделявали свое: шаг, два, три – ногу вбок, шаг, два, три – вбок! Мои ученики без особого труда повторяли это нехитрое движение, и так мы торжественно кружили по залу, и все их пышные одежды шелестели в лад. Я отсчитывал такт и в нужную минуту выкрикивал «брык!», чтобы им легче было сообразить, когда надо дрыгнуть ногой, но они, видимо, восприняли мой крик как непременную часть танца, нечто вроде обрядового припева, и хором начали выкрикивать это «брык» вместе со мной.

Поглядели бы вы, что творилось с нашими многочисленными зрителями! Они вопили от восторга, а всевозможные члены свиты Фона, добрых четыре десятка его жен и несколько отпрысков постарше кинулись к нам, чтобы тоже потанцевать вместе с государственными дея-

телями, – и каждый новый танцор становился в хвост нашей колонны и подхватывал припев вместе со всеми.

– Раз, два, три, брык! – вопили советники.

– Раз, два, три – йя-а-а! – визжали жены.

– Раз, два, три, и-и-и! – пищали дети.

Разумеется, Фон никак не мог остаться в стороне от такого веселья. Он с трудом сполз с трона и, опираясь на двух человек, подстроился к концу колонны; его движения не совпадали с дружными движениями остальных, но веселья это ему ничуть не убавляло. Я все водил и водил их вокруг зала, пока у меня не закружилась голова и мне стало казаться, что стены и потолок вздрагивают в такт прыжкам и крикам. Тут я почувствовал, что мне не худо бы глотнуть свежего воздуха, и вывел всех во двор. Так мы и шли, длиннющей качающейся цепочкой, вверх и вниз по ступенькам, во дворы и из дворов, мимо незнакомых хижин – словом, всюду, где только можно было пройти. Оркестр, войдя в раж, не отставал – мы танцевали, а музыканты бежали за нами, обливаясь потом, но ни разу не сбились с ритма и не сфальшивили. Наконец скорее волею случая, чем сознательно, я привел своих учеников обратно в «дом танцев», и тут мы все, задыхаясь и смеясь, кучей повалились на пол. Фон еще по пути падал раза три, а теперь его довели до трона и усадили; он сиял и с трудом переводил дух.

– Ах, отличный какой танец! – воскликнул он. – Отлично, отлично!

– Тебе нравится? – пыхтя, еле выговорил я.

– Очень много нравится, – решительно провозгласил Фон. – У тебя есть большой сила: я никогда не видел такой европейский танец.

Я ничуть не удивился: вряд ли кто из европейцев в Западной Африке тратит свой досуг на то, чтобы обучить местных князьков и их приближенных конге. Уж конечно, если бы кто-нибудь из них увидел меня за этим занятием, мне заявили бы, что я за полчаса нанес престижу белого человека больший урон, чем кто-либо за всю историю Западной Африки. Зато моя конга, видно, сильно укрепила мой престиж в глазах Фона и его двора.

– Раз, два, три, брык! – мечтательно бормотал Фон. – Отличный песня.

– Да, это совсем особенная песня, – сказал я.

– Да, правда! – сказал Фон, кивая головой. – Да, отличный.

Он в задумчивости посидел еще немного на своем троне; к тому времени оркестр снова заиграл, и на середину зала вышли танцоры. Я уже чуть-чуть отдышался и стал даже гордиться собой, как вдруг Фон оживился и отдал какой-то приказ. От толпы танцующих отделилась девочка лет пятнадцати и подошла к помосту, где мы сидели. На ней была только крошечная набедренная повязка, так что ее прелести не оставляли никаких сомнений, пухлое умщенное тело лоснилось. Она бочком придвинулась к нам и застенчиво улыбнулась; Фон наклонился и схватил ее за руку. Одним ловким рывком он усадил ее ко мне на колени, и тут она и осталась сидеть, вздрагивая от смеха.

– Это для тебя, этот женщина, – сказал Фон и величественно повел огромной рукой. – Он хороший. Это мой дочь. Давай женись на ней.

Сказать, что я был потрясен, значит ничего не сказать: я просто оцепенел от ужаса. Мой хозяин уже пришел в то блаженное состояние, за которым обычно наступает крайняя воинственность, и я понимал, что отказываться надо как можно осторожнее и тактичнее, иначе я испорчу все, чего достиг за этот вечер. Я беспомощно оглядел зал и впервые за все время заметил, что очень многие в толпе вооружены копьями. Оркестр уже перестал играть, и все выжидаательно смотрели на меня. Фон тоже уставился на меня осоловевшими глазами. Я понятия не имел, вправду ли он предлагает мне эту девицу в жены или для пристойности обозначает этим словом нечто совсем другое. Что бы там ни было, надо как-то отказаться; не говоря уже ни о чем другом, девица была отнюдь не в моем вкусе. Я облизнул губы, откашлялся и сделал все, что мог: прежде всего я поблагодарил Фона за то, что он так любезно предложил мне свою

хорошо промасленную дочь (она была такая увесистая, что у меня уже ныли колени), однако же, как мне известно, он отлично осведомлен о дурацких обычаях моих соотечественников и, следовательно, понимает, что англичанин при всем желании не может завести себе более одной жены. При этом моем замечании Фон рассудительно закивал. Поэтому, продолжал я, мне поневоле придется отклонить его в высшей степени лестное предложение – ведь у меня уже есть жена в Лондоне и будет незаконно и далеко не безопасно привезти туда с собой вторую. Конечно, не будь я женат, торопливо продолжал я, для меня не было бы большего счастья, чем принять его подарок, жениться на этой девушке и осесть в Бафуте до конца моих дней.

С великим облегчением услышал я гром рукоплесканий, раздавшихся, едва я окончил свою речь; только Фон чуть всплакнул, когда понял, что его прекрасной мечте не суждено сбыться. Пока все кричали и хлопали, я спустил с колен мою толстушку, легонько подшлепнул ее, и она, все еще хихикая, отправилась в зал танцевать. Ну, на сегодняшний вечер с меня хватит дипломатических переговоров, решил я и предложил разойтись по домам. Фон и его свита проводили меня на большой двор, и здесь Фон решительно потребовал, чтобы я позволил ему обхватить меня за талию и еще раз сплясал с ним конгу Даррелла. Толпа немедленно увязалась за нами, и мы протанцевали вокруг площади, брыкаясь и крича так, что перепугали всех крыланов – они вылетели из листвы деревьев манго, – и все собаки на несколько миль вокруг залились отчаянным лаем. У подножия лестницы мы с Фоном прочувствованно распростились, и я еще постоял и поглядел, как все они, пошатываясь, выплясывали конгу на обратном пути через двор. Потом я наконец взобрался на свои семьдесят пять ступенек, мечтая, что сейчас улягусь в постель. Наверху меня взором, полным укоризны, встретил Бен с фонариком.

– Сэр, тут охотники пришел, – сказал он.

– Как, в такое время?! – спросил я с изумлением: шел уже четвертый час ночи.

– Да, сэр. Сказать ему, чтоб ушли?

– Они принесли что-нибудь? – с надеждой спросил я, и перед моим мысленным взором возникли некие редкостные экземпляры.

– Нет, сэр. Они хотел поговорить с маса.

– Ну ладно. Пусть войдут, – сказал я, падая в кресло.

Через несколько минут Бен ввел в комнату пятерых очень молодых и очень смущенных охотников, все они сжимали в руках копыя. Охотники поклонились и вежливо сказали: «Добрый вечер». Выяснилось, что они тоже присутствовали на сегодняшнем празднике и слышали речь Фона; живут они в деревне довольно далеко от Бафута и потому решили повидать меня, прежде чем возвращаться домой, и узнать поточнее, какие именно животные мне нужны. Я похвалил их за усердие, роздал им сигареты и принес книги и фотографии. Мы долго их разглядывали, и я рассказал охотникам, какие животные мне особенно нужны и сколько я за них буду платить. Они совсем было уже собрались уходить, как вдруг один заметил лежавший у меня на кровати рисунок, который я им не показывал.

– Маса хочет этот добыча? – спросил он.

Я взглянул на рисунок, потом на молодого охотника; он, видимо, не шутил.

– Да, – сказал я как мог выразительнее. – Я очень хочу эту добычу. А что, ты ее знаешь?

– Да, сэр, я его знаешь, – подтвердил охотник.

Я поднял рисунок и показал остальным.

– Посмотрите хорошенько, – предупредил я.

Они все уставились на листок с рисунком.

– Ну что, вы и правда знаете эту добычу? – спросил я опять.

– Да, сэр, – дружно ответили охотники. – Мы его хорошо знаете.

Я сел и уставился на них, как на пришельцев с другой планеты. Они преспокойно узнали животное, изображенное на рисунке, и это меня потрясло: я уже очень давно мечтал поймать

эту, быть может, самую замечательную амфибию в мире – ученым она известна под названием *Trichobatrachus robustus*, а обыкновенные люди называют ее попросту волосатой лягушкой.

Тут необходимо кое-что пояснить. Во время моей предыдущей поездки по Камеруну все мои помыслы были направлены на то, чтобы заполучить хоть одну такую чудо-амфибию, но ничего не вышло. В то время я искал ее в низинных лесах, и все тамошние охотники, которым я показывал рисунок, в один голос твердили, что такого на свете не бывает. Я стоял на своем, а они с жалостью на меня глядели – вот, мол, еще одно доказательство непостижимой глупости белого человека, ведь даже малые дети знают, что у лягушек не бывает волос! У зверей – волосы, у птиц – перья, а у лягушек есть только кожа, и ничего больше. И раз уж им было доподлинно известно, что такой лягушки на свете нет, они даже не подумали ее искать, хоть я и предлагал за нее огромные деньги. Что толку искать сказочное чудовище – лягушку с волосами? Я сам провел в лесу немало мучительных ночей, бродил босиком вверх и вниз по ручьям и речушкам в поисках этого ускользающего от меня земноводного, пока не свалит с ног усталость, но тщетно. После этого я и сам поверил, что все учебники врут, а охотники правы: в низинных лесах эту лягушку не найти. Одно лишь упоминание о волосатой лягушке тотчас вызывало среди жителей низин презрение и насмешки – и во время моей второй поездки я, жестоко разочарованный, никому даже не стал показывать этот рисунок; конечно же, горные охотники будут единодушны со своими собратьями из больших лесов. Вот почему я так разволновался и изумился, когда молодой охотник без всякой моей подсказки сразу узнал необыкновенную амфибию и вдобавок осведомился, нужна ли она мне.

Я подробно расспросил охотников, весь дрожа, точно гончая на следу. Да, подтвердили они в третий раз, они знают это животное; да, у него есть волосы; да, его нетрудно поймать. Я спросил, в каких местах оно водится, и небрежные взмахи рук ясно показали мне, что таких лягушек полным-полно в здешних лесах. Глаза у меня загорелись, и я спросил, знают ли они точно место, куда за этой лягушкой можно пойти. Да, был ответ, есть такая «маленький вода» примерно в двух милях от Бафута, там ночью всегда можно увидеть волосатых лягушек. Дальше я слушать не стал. Выбежал на веранду и завопил что есть мочи. Мои помощники, спотыкаясь и продирая на ходу сонные глаза, выскочили из своей хижины и собрались у меня на веранде.

– Этот охотник говорит: он знает, куда идти, где поймать вот эту добычу, – объяснил я. – И мы идем за ней.

– Сейчас, сэръ? – в ужасе спросил Бен.

– Да, прямо сейчас, идите все за мешками и фонарями. Скорей, скорей!

– Прямо ночью? – умирающим голосом переспросил Бен: уж очень он любил поспать.

– Да, *сейчас!* Ну, пошевеливайся, хватит зевать, челюсть вывихнешь! Ступайте все за мешками и фонарями!

Мои помощники с опухшими со сна глазами, не переставая зевать, неохотно повиновались. Джейкоб, повар, на минутку задержался и стал объяснять мне, что он повар, а не охотник и совершенно не понимает, почему он должен менять свою специальность в четыре часа ночи.

– Друг мой, – сказал я твердо. – Если ты через пять минут не принесешь сюда мешок и фонарь, то утром ты уже не будешь ни охотником, ни поваром. Понятно?

Джейкоб поспешно кинулся вслед за остальными на поиски своего охотничьего снаряжения. Не прошло и получаса, как мой сонный отряд был в сборе и мы двинулись по росистой дороге искать волосатых лягушек.

V

Охота на волосатых лягушек

Мы шли по пыльной дороге в смутном свете звезд, а по обе стороны от нас сверкала отяжелевшая от росы трава. Луны не было, в этом нам повезло: когда охотишься ночью при свете фонарей, луна не помогает, а только мешает – она отбрасывает причудливые тени, среди которых легко может скрыться твоя дичь; кроме того, лунный свет ослабляет свет фонаря.

Маленькая группка охотников шагала впереди – сна ни в одном глазу, все бодрые и нетерпеливые, а мои помощники, которым я так щедро платил, плелись сзади, непрерывно зевали и едва передвигали ноги. Только Джейкоб шел рядом со мной: видно, он решил, что раз уж не удалось улизнуть от этой охоты, то лучше хорошенько постараться. Время от времени, когда позади раздавался особенно громкий зев, он неодобрительно оглядывался и насмешливо фыркал.

– Эти люди, у них нет сила, – говорил он с презрением.

– Наверно, они просто забыли, что я плачу пять шиллингов за каждую лягушку, – отвечал я громко и отчетливо.

В ночной тишине мой голос разнесся далеко – и тут же зевки и шарканье ног прекратились как по команде; вся замыкавшая шествие компания сразу проснулась. Пять шиллингов за лягушку – деньги нешуточные!

– Я не забыть, – с хитрой улыбочкой сказал мне Джейкоб.

– В этом я и не сомневался, – строго ответил я. – Ты ведь на редкость беспринципный западноафриканский Шейлок.

– Да, сэр, – преспокойно согласился Джейкоб. Смутить его было просто невозможно: если он не понимал моих слов, то все равно на всякий случай безоговорочно со мной соглашался.

Мы прошли по дороге еще мили полторы, и тут охотники свернули на узкую тропку в высокой траве; тропка была скользкая от росы и самыми невероятными зигзагами взбиралась вверх по склону холма. Вокруг нас, во влажной чаще высоких спутанных трав, со всех сторон призывно квакали крохотные лягушки и стрекотали цикады, точно отстукивали такт миллионы лилипутских метрономов; вот сбоку у самой тропинки неуверенной спиралью взвился большой бледный мотылек, он взмывал все выше, и вдруг из тени стремительно и прямо, как стрела, вылетел козодой, щелкнул клюв – и мотылек исчез. Птица повернула и унеслась вниз вдоль склона так же неслышно, как и появилась. Наконец мы добрались до вершины холма, и тут охотники сообщили мне, что ручеек, о котором они говорили, лежит в долине прямо перед нами. В сущности это оказалась даже не долина, а глубокое, узкое, полное теней ущелье между двумя гладкими округлыми горами; извилистое русло ручья сразу бросалось в глаза: его обрамляла темная бахрома невысоких деревьев и кустов. Когда мы спустились в полумрак долины, до нас донесся шум воды, она журчала и плескалась среди валунов, усыпавших русло, и тропка сразу размокла, под ногами противно зачмокала липкая глина. Мы осторожно скользили по ней, ноги наши разъезжались, а грязь неприятно хлопала и старалась не выпустить из цепкой хватки наши башмаки.

Ручей торопливо сбегал по долине, скатывался по ней множеством широких, мелких, усеянных камнями ступеней, каждая непременно заканчивалась маленьким, не выше восьми футов водопадом, – тут ручей собирался в сверкающий, точно отполированный, водяной столб и обрушивался в круглое озерцо, словно в чашу, выдолбленную среди скал; здесь вода бешено кружилась в ореоле серебряных всплесков, потом устремлялась меж каменных россыпей к новому водопаду. Длинные травы клонились над ручьем, точно нечесаная золотистая грива какого-то зверя, а между влажно блестящими каменными глыбами из густого мха, который устилал все вокруг зеленым бархатным ковром, поднимались тонкие кружевные папоротники

и другие тоненькие растеньица. По берегам осторожно, на цыпочках, расхаживали маленькие розовые и темно-коричневые крабы, их тут было великое множество; когда мы выхватывали их из темноты лучами наших карманных фонариков, крабы угрожающе поднимали клешни и еще того осторожней пятились прямо в норки, которые они выкопали себе в красной глине. Мы шли по высокой траве, и у нас из-под ног то и дело взлетали десятки крохотных белых мотыльков и снежными облачками уносились за ручей. Мы присели на корточки на берегу покурить и обсудить порядок действий. Охотники объяснили, что искать лягушек лучше всего в истоках маленьких водопадов, но можно их найти и под плоскими камнями в тех местах, где ручей не такой глубокий. Я решил, что лучше всего растянуться цепочкой поперек ручья и двинуться вверх против течения, переворачивая каждый камень, который можно будет поднять, и заглядывая в каждую ямку и в каждую щелку, где могла бы укрыться волосатая лягушка. Так мы и сделали и целый час упорно взбирались вверх по холму к истоку ручья – шлепали по неглубокой ледяной воде, оскальзывались на мокрых камнях и светили фонариками в каждый укромный уголок, с безмерной осторожностью переворачивали каждый подозрительный камень.

Среди камней было полным-полно крабов, они щелкали клешнями и удирали от нас во весь опор; ярко-зеленые, как трава, лягушки с удлинёнными, точно пули, телами прыгали в воду с громким всплеском и пугали нас, а вокруг неизменно вилось дрожащее облачко мельчайших мотыльков, маленькие летучие мыши то появлялись в луче фонарика, то пропадали; только волосатых лягушек не было и в помине. Мы почти не разговаривали на ходу; в тишине на тысячу голосов бормочет, лепечет и звенит ручей, сбегая по своему руслу, в густой траве трещат цикады да испуганно вскрикнет порой птица, потревоженная нашим фонариком, и еще послышится клокотанье, сосущий звук, точно в воронке, и следом громкий всплеск, когда кто-нибудь из нас перевернет камень на глубоком месте. Один раз, когда мы одолевали невысокий, но крутой утес, с которого, точно трепетная кружевная пелена, свисал водопад, вдруг раздался громкий крик и что-то шумно плюхнулось в воду. Мы торопливо осветили фонариками основание водопада и обнаружили, что Джейкоб – он последним взобрался на утес – наступил на водяную змею, которая свернулась кольцом в выбоине. Со страху он попытался подпрыгнуть повыше, но попытка не удалась, потому что он в эту минуту едва удерживался на крутизне, довольно рискованно прижимаясь к утесу футах в пяти от земли. Джейкоб все же свалился в озерцо под водопадом и вылез оттуда целый и невредимый, только промок до нитки, да зубы у него выбивали дробь: вода была ледяная.

Черное небо на востоке медленно светлело, становилось бледно-зеленым, близился рассвет, а мы все еще не нашли неуловимое земноводное. Охотники совсем приуныли, искренне огорченные нашей неудачей, и горестно объяснили, что, как только рассветет, продолжать поиски будет бесполезно, тогда уж лягушка ни за что не покажется на свет. Значит, у нас остается всего часа два и за это время надо выследить ее и поймать; итак, мы продолжали свой путь вверх по ручью, но я был убежден, что сегодня нам не повезло и ничего уже не выйдет. Наконец, промокшие, замерзшие и отчаявшиеся, мы вышли в широкую плоскую долину, тут было полно огромных валунов, и ручей пробирался среди них, извиваясь как змея. Местами между камней образовались довольно глубокие тихие озерца, местность здесь была ровная, течение медленное, спокойное, и ручей разлился чуть не вдвое шире прежнего. Валуны, разбросанные как попало, торчали порой, наклонясь под самыми невероятными углами, точно гигантские древние могильные камни, совсем черные под звездным небом. Все они густо поросли мхом и оплетены были ползучими дикими бегониями.

Мы прошли уже почти половину этой долины, и я решил сделать привал и покурить. Подошел к маленькой заводи, которая лежала как черное зеркало в оправе высоких камней, выбрал гладкий камень посуше, сел, выключил фонарик и приготовился насладиться сигаретой. Фонарики моих спутников мигали и сверкали между камней – они пошли дальше по долине, шлепая по воде, и вскоре шаги их затерялись среди множества ночных звуков. Я доку-

рил сигарету и отшвырнул окуроч; он описал в воздухе дугу, точно пламенеющий светлячок, упал в воду, зашипел и погас. И почти в ту же секунду что-то с громким всплеском прыгнуло в озерцо и гладкая черная вода рассыпалась серебряной рябью. Я мигом зажег фонарик и осветил поверхность воды, но ничего не увидел. Тогда я осветил покрытые мхом камни на краю этого крохотного озера. Совсем рядом со мной, на самом краешке большого валуна, сидела большущая, лоснящаяся лягушка шоколадного цвета, и ее толстые ляжки и бока покрывала спутанная масса чего-то, очень похожего на волосы.

Я замер, я не смел даже перевести дух – ведь лягушка примостилась на самом краешке камня, нависшего над водой; она сидела подозрительная, настороженная, готовая в любую секунду оттолкнуться от камня и прыгнуть вниз. Если ее испугать, она спрыгнет с камня прямо в черную воду, и тут уж пиши пропало! Ее не поймашь... Минут пять я оставался недвижим, как камни вокруг, и постепенно волосатая лягушка привыкла к свету фонаря и, видно, немного расслабилась. Один раз она, правда, чуть пошевелилась, моргнула своими влажными глазами, и я в ужасе подумал: все, сейчас она спрыгнет! Но лягушка просто поудобнее устроилась на камне, и я вздохнул с облегчением.

Тем временем я наскоро обдумывал план действий: сперва надо ухитриться переложить фонарик из правой руки в левую так, чтобы не встревожить лягушку; потом я буду очень медленно и незаметно наклоняться вперед до тех пор, пока моя рука не окажется достаточно близко от ее жирного тела, и тогда попытаюсь мгновенно схватить драгоценную добычу. Пока я справился с фонариком, мне пришлось изрядно поволноваться, потому что лягушка неотступно следила за моими движениями тревожным и подозрительным взглядом; но вот наконец фонарик уже в левой руке. На несколько минут я снова замер – пусть она успокоится; потом согнул пальцы ковшиком и медленно, с предельной осторожностью стал пододвигать руку к лягушке. Ближе, ближе... дюйм за дюймом... и вот уже моя рука повисла прямо над лягушкой! Я вздохнул поглубже и решился: хват! Едва моя рука ринулась вниз, лягушка прыгнула, но чуть запоздала, и я все же успел ухватить пальцами скользкую заднюю лапку. Однако лягушка не собиралась так легко отказаться от свободы: она истошно завопила и стала отчаянно лягаться другой задней лапкой, царапая мне тыльную сторону ладони. Боль была такая, точно кожу рвали иголками, и на руке появились глубокие царапины, которые быстро

краснели, наполняясь кровью. Эта неожиданная воинственность существа, которое я считал совершенно безобидным, так меня ошеломила, что я невольно ослабил хватку. Тут лягушка лягнула меня еще раз, дернулась, мокрая лапка выскользнула из моих пальцев, внизу раздался громкий всплеск, и по воде побежала серебристая зыбь. Волосатая лягушка улизнула.

Что я при этом почувствовал – не передать никакими словами. Обширная коллекция красочных и трагических выражений, которую я собрал на своем веку, казалась слишком бледной и бессильной описать такую катастрофу. Я попробовал как-то выразить свои чувства, но куда там... не нашлось у меня для этого достаточно крепких слов. Надо же! Я так долго ждал, я почти поверил тем, кто утверждал, будто волосатой лягушки вообще нет в природе, потом провел столько часов в бесплодных поисках и наконец встретился с ней лицом к лицу, уже просто держал ее в руках – и затем... Затем по своей собственной глупости я ее упустил! Делать нечего, я взобрался на высокий камень – взглянуть, где там мои охотники; в четверти мили от меня мелькали лучи их фонариков, и я закричал им тем протяжным, пронзительным криком, каким перекинулись между собой охотники. Они отозвались, и я закричал, чтобы они поскорей возвращались ко мне, я нашел ту добычу, которую мы искали. Потом я слез с камня и внимательно осмотрел озерцо. Оно было длиной футов в десять и около пяти в поперечнике (в самом широком месте). Вода вливалась и выливалась из него через два узеньких канала среди камней, и я подумал: стоит только перекрыть эти каналы, и, если лягушка все еще тут, ее вполне можно будет изловить. Подошли задыхающиеся от спешки охотники, я им все рассказал, и они стали щелкать пальцами и стонать с досады, что лягушка все-таки сбежала.

Как бы то ни было, мы принялись за работу и вскоре перекрыли входной и выходной каналы кучками плоских камней. Потом двое охотников влезли на валуны и направили фонарики на воду, чтобы нам было лучше видно. Я измерил глубину озерка длинной рукояткой сачка для бабочек, и выяснилось, что там воды на два фута; дно ручья покрыто крупным песком вперемешку с мелкими камешками, тут лягушка могла отыскать для себя вдоволь укромных уголков. Потом мы с Джейкобом и еще два охотника разделались донага и полезли в ледяную воду – мы с Джейкобом в одном конце озерка, а те двое – в другом. Мы медленно двинулись навстречу друг другу, чтобы сойтись на середине озерка, согнувшись в три погибели и ощупывая пальцами рук и ног каждую расселину, переворачивая каждый камень. Вскоре мы добрались до середины, и тут у одного охотника вырвался восторженный вопль – он поспешно схватил что-то под водой, причем едва не потерял равновесия и не рухнул ничком в воду.

- Что там у тебя, что? – в волнении закричали мы все разом.
- Вот он, лягушка, – залопотал охотник. – Только он убежать.
- А у тебя что, рука нет? – злобно осведомился Джейкоб, стуча зубами от холода.
- Он бежать прямо к маса, – ответил охотник и ткнул пальцем в мою сторону.

И в этот миг подле моей босой ноги что-то шевельнулось; я наклонился и начал торопливо шарить в воде. Тотчас же и Джейкоб дико вскрикнул и нырнул под воду, а другой охотник отчаянно пытался схватить что-то у себя под ногами. Мои пальцы наткнулись на гладкое, толстое тело, которое поспешно зарывалось в песок у самых моих ног, и я его схватил; в ту же минуту Джейкоб выскочил из воды, он отплеывался, задыхался, но торжествуя махал рукой, в которой была зажата толстая лягушка. Он зашлепал по воде в мою сторону, спеша показать свою добычу, но, когда он до меня дошел, я уже выпрямился, и у меня тоже в ладонях было что-то живое. Я поскорей глянул – что же я поймал? – и передо мной мелькнули толстые ляжки, обросшие чем-то мохнатым, похожим на волосы; да, я поймал волосатую лягушку! Тут я взглянул на трофей Джейкоба – и его пленница была точно такая же. Мы поздравили друг друга, осторожно уложили обеих лягушек в глубокий мешок из мягкой ткани и надежно его завязали. Только мы успели со всем этим управиться, как охотник, который суетливо шарил у себя под ногами, заорал от радости, выпрямился и взмахнул в воздухе еще одной волосатой лягушкой, которую он ухитрился схватить за лапку.

Воодушевленные успехом, уже не чувствуя холода, мы снова полезли в воду и старательно обыскали все озерцо, но лягушек больше не нашли. Теперь край неба на востоке поглубел, по бледно-голубому брызнуло золото, выше и выше пошли золотисто-изумрудные полосы – и у нас над головой уже мерцали и гасли последние звезды. Ясно, что часы охоты миновали, но я и так был очень доволен: она удалась как нельзя лучше. Африканцы уселись на корточки на сухих камнях, они смеялись, болтали, курили сигареты, которые я им роздал, а я тем временем с грехом пополам вытерся носовым платком и натянул на себя насквозь промокшую от росы одежду. Голова у меня просто раскалывалась – отчасти от пережитого волнения, но главное – от вчерашней пьянки с Фоном. Впрочем, сейчас мне наплевать было и на холодную мокрую одежду, и на головную боль – я торжествовал победу! Мешок с волосатыми лягушками я опустил в воду и держал его там до тех пор, пока он не промок насквозь и не стал холодным; тогда я обернул его мокрой травой и уложил на дно корзинки.

Когда мы добрались до вершины холма, солнце уже поднялось над дальними горами и залило мир хрупким золотистым светом. Высокая трава клонилась под тяжестью росы, тысячи крохотных паучков свили паутину между ее стеблями, их сети отняли у ночи богатый улов росинок – и крохотные капли сверкали в солнечных лучах белым и льдисто-голубым алмазным блеском. У нас из-под ног десятками выскакивала крупная саранча и проносилась над травой, шелестя и сверкая ярко-красными крыльями, а над островком бледно-желтых орхидей, что росли под сенью большого камня, громко жужжал хор толстых шмелей металлического голубого цвета, мохнатых, как медведи. Воздух, свежий и прохладный, был до отказа напоен запахами цветов и трав, земли и росы. Охотники, счастливые сознанием того, что ночная охота прошла успешно, затаили песню и неторопливо, гуськом двинулись по тропинке; это была веселая бафутская песенка, и пели они с большим жаром и увлечением; вскоре песню подхватили и домочадцы Фона, а Джейкоб сопровождал – выбивал негромкую дробь на жестянке для «добычи». Так мы и маршировали обратно в Бафут, с громкой песней, а Джейкоб выступывал все более сложные ритмы на своем импровизированном барабане.

Когда мы добрались до дома, мне надо было первым делом приготовить глубокую жестяную банку для моих пленниц; я наполнил ее свежей водой и положил на дно несколько камней, чтобы лягушкам было где укрыться. В эту банку я поместил двух, а третью посадил в большую стеклянную банку из-под варенья. Во время завтрака я поставил эту банку на стол перед собой и в промежутке между двумя глотками любовался моей пленницей, не сводил с нее влюбленных глаз.

Для лягушачьего племени моя волосатая лягушка оказалась настоящим великаном: если она хорошенько подберет под себя лапки, то как раз поместится на блюдце и займет его почти целиком. Голова у нее широкая и довольно плоская, глаза очень выпученные, а рот необыкновенной ширины. Сверху лягушка темно-шоколадного цвета, а местами испещрена расплывчатыми коричневыми крапинками еще темнее, почти черными; брюшко белое, в самом низу чуть подкрашено розовым, и задние лапки с внутренней стороны тоже розоватые. Глаза очень большие, угольно-черные, с тонким узором золотых точек. Самая удивительная особенность этой лягушки – волосы, расположены они по бокам ее тела и на бедрах; тут волосы черные, густые,

длиной с четверть дюйма. Это украшение в сущности вовсе не волосы; оно состоит из удлиненных выростов кожи, которые, если присмотреться поближе, напоминают щупальца морского анемона. Но если не слишком тщательно приглядываться, очень легко поверить, будто задняя половина тела лягушки покрыта густым слоем волос. В воде волоски встают дыбом и плывут, как водоросли, тут-то их видно лучше всего; когда же лягушка на суше, они опадают и кажутся спутанной массой каких-то студенистых нитей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.